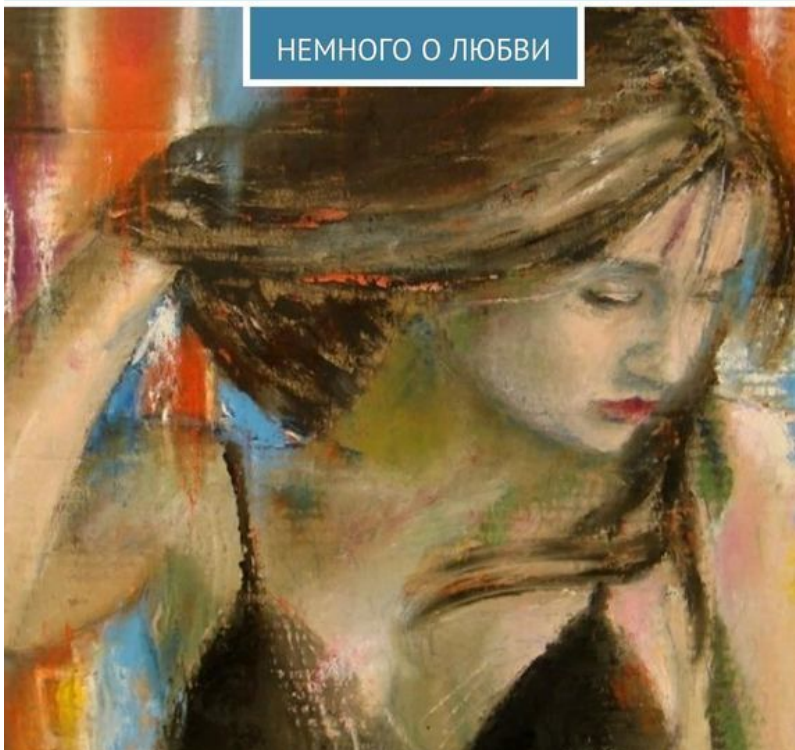

ГРИГОРИЙ ЖАДЬКО

Французская любовь. Как это бывает

НЕМНОГО О ЛЮБВИ

Григорий Жадько
**Французская любовь. Как
это бывает. Немного о любви**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854092
ISBN 9785447463250*

Аннотация

Книга о простом и сложном и одновременно самом главном в жизни человека. Книга о первых чувствах, любви, нежности и, конечно, о счастье.

Содержание

Красное платье	5
Портрет для киллера	13
Ночной экспресс	46
Золотой песок	59
Немного счастья когда шел дождь	74
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Французская любовь.

Как это бывает

Немного о любви

Григорий Жадько

© Григорий Жадько, 2016

© Григорий Григорьевич Жадько, дизайн обложки, 2016

© Григорий Григорьевич Жадько, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-6325-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красное платье

– Привет, делаю первый шаг. Может быть секс!? ... Давайте как-нибудь поужинаем у меня, – тихий, переходящий на шепот, голос девушки, с капризными и детскими нотками оборвался, ... а голубые глаза смотрели, открыто и смело.

Худенькая, светловолосая в красном платье, она почти не смущалась или искусно делала вид, что не смущается. Потому как пальцы ее нервно теребили черный поясик на талии, скорее всего можно было предположить второе. В воздухе повисла тишина, а голубые глаза продолжали смотреть откровенно и вызывающе. «Современная Татьяна Онегина или городская сумасшедшая?» – предположил бы случайный прохожий, услышав за спиной подобное. Но посторонних не наблюдалось и вообще подъезд этой панельной «Хрущевки» на Чемском был очень тихий, мирный и спокойный. Ну, до этого происшествия, во всяком случае, все его считали таким.

– Саша, ты, что не весь мусор взял! – донесся с площадки верхнего этажа голос молодой женщины с грубыми начальствующими нотками.

В воздухе повисло тягостное безмолвие, а небесные глаза юной особы продолжали безрезультатно и неотрывно сверлить собеседника. Но он стоял безмолвный, и казалось даже отстраненный. Не дождавшись ответа, она продолжила, тщательно подбирая слова.

– Я дерзкая? Допустим! Вы живете тихо и мирно? Вам

недурственно и без меня, а может вам плохо без меня!? Откуда вам знать как бывает хорошо или как о-очень... о-о-очень хорошо, – говорила девушка с придыханием, почти одними губами. На слове «о-очень» она делала нажим, выделяя его из общей массы, и при этом смешно моргала длинными накрашенными ресницами.

– Саша, когда я тебя научу ...ты опять бросил открытой дверь, – донесся повторный крик откуда-то сверху и тявканье собачонки, переходящее на хрип, когда ее тянут за ошейник.

Девушка вытащила из холщовой сумки, что держала в руке, объемный пакет, развернула грубую хрустящую обертку и достала плотные тяжелые листы бумаги Палаццо формата А-5.

– Это мои картины, то есть работы одного художника, что рисовал, меня. Может я вам понравлюсь на них... посмотрите, возьмите с собой и скажите что решите. Пастель и сангина.

– Что?

– Такие палочки-мелки и мягкий минеральный карандаш. Они откровенные... может через чур, я просила его рисовать... смело! Он талантливый, ... мне нравилось когда он глотал слюни... милый очкарик... я обожала его мучить. Художники, вы сами понимаете не от мира сего...

Она нервно засмеялась и замолчала пытаясь поймать взглядом его глаза.

– Алё! Внимание... внимание, говорит Германия, – шутиливо и звонко подбодрила его девушка с улыбкой, детской скороговоркой. – Смотрите на меня! Не молчите.

Молодой человек коротко взглянул, и на лице его отразилось чувство вины.

– Их много, – наконец выдал он из себя осипшим голосом, при этом вновь отводя в сторону глаза.

– Можете взять часть.

– Саша ты где!? Ты вынес мусор? – с раздражением и негодованием, донеслось опять с площадки верхнего этажа. В голосе женщины появились металлические нотки, но молодой человек остался внешне спокоен, только легкая бледность тронула его лицо.

– Я не могу взять сейчас. ... Ни сколько, – он сморщил болезненно лицо, лоб и показал глазами наверх.

– Второго шанса не будет! Есть вид алоэ, что цветет раз в сто лет. Просто я съехала с катушек... и только сегодня!!! Мне жалко, что у меня не нашлось необходимой смелости, и я не предложила эти картины вам раньше, видела, как мы смотрим друг на друга и робко отводим глаза, как каждый раз вы задерживаете шаг, а в ответ я задерживаю шаг, и мы крадемся как стыдливые безмолвные тени. ... Жалею, что не нашлось у вас мужества отыскать предлог и подойти самому. ... Я не хочу говорить ни о чем таком, что бы могло испортить все то, что еще не началось, но вот говорю ... говорю без поддержки от вас. И меня не сдерживает ваше

молчание, и даже крики вашей жены сверху не выведут меня из себя. ... И мне все равно, что вы там думайте сейчас, или подумайте потом. И плевать на слова, которые вы мне должны были сказать в ответ, на цветы или подарки, которые вы мне может, не подарили, на шампанское, прикосновения... и на штамп в паспорте, и на нормы приличия. ... Можно много еще чего сказать, но наверно это будет лишнее, вас точно не расшевелить, вы стоите как обмороженный истукан, как бука, и я зря стараюсь и мечу бисер.

Опять установилось долгое молчание. Наконец девушка выдавила из себя.

– Ну ладно первый шаг – как первый блин получился, тогда я пошла...

– Подождите!

– Да бросьте, это был тест на ... – она покрутила пальцем показывая неопределенно вверх.

– Я все понял.

– Ничего вы не поняли, даже я ничего не поняла, что это было, ...но я ни о чем не жалею... Да несите вы свое вонючее помойное ведро дальше, а то вернетесь с полным и вашу благоверную хватит удар.

– Просто извините ...все так неожиданно, – пролепетал молодой человек, стараясь убрать ведро подальше с глаз.

– Это верно, мало ли сумасшедших тут бродит, – с иронией и даже с сарказмом бросила она, четко чеканя фразы и смотря при этом не него, а в окно.

– Я не о том.— Он, наконец, спрятал ведро за себя, попытался перехватить ее глаза. Она ответила уничтожающим взглядом.

– А я об этом, маленькая шутка и больше ничего, – и голос у нее отчего то задрожал, и она заторопилась, прикрывая лицо рукой и глухо выдавила ничего не значащее восклицание.

– Чау! – или,

– Чао!

Прижав под мышкой увесистый пакет, и делая вид что ей весело, девушка вприпрыжку поскакала по лестнице вниз и каблуки ее били, цокали по ступеням как испорченный механический пианино, то звонко, то глухо, то никак, ломая музыку такта, и эхо металось и ломалось в голых исписанных бранными словами стенах, больно ударяло в барабанные перепонки.

Наконец жестко наотмашь хлопнула входная дверь и стало совсем тихо, и будто в ответ, ударилось о бетонный пол видавшее виды ведро, и мусор рассыпался по площадке. Но молодой человек остался безучастным к этому происшествию. Руки его были влажные и холодные одновременно. Он судорожно тер ими плечи и напряженно смотрел в окно.

С третьего этажа неторопливо спустился сосед, неоднократно сиделец Колька. Расписными синими пальцами он перебирал деревянные шашечки от нардов сделанных на зоне. К верхней губе у него была приклеена сигарета, а глаза от попадавшего дыма, щурились. Раскидывая мусор лакиро-

ванными узкими носками туфлей, он приклатненной походкой приблизился к окну, бесцеремонно заглянул за плечо, молодому человеку обдав его дымом.

– В натуре, я что-то пропустил!? ... и смачно сплюнув, добавил, – кайфовая шмара!!! Выдав нагора свой высокопарный перл, он отправился дальше по своим делам.

Парень не обратил внимания на реплику авторитетного соседа. Он ловил последние мгновения... цвет красного откровенного платья, нервную ломающуюся походку, развевающиеся на ветру светлые волосы девушки. Она не оглянулась. Ни разу... пока не скрылась за углом.

– Как ее зовут? Как же ее зовут!!!

Вечером он сходил за пивом в фирменный магазин «Хмель и солод», потратился на ломтики семги и сел смотреть телевизор. «Чешское марочное» приятно холодило, а жирная семга таяла во рту. По ящику показывали очередной детектив. Так приятно и спокойно было сидеть, потягивать темное пиво, ощущать как пузырьки щекотят верхнее небо и складывать косточки на край тарелки.

Декабрь 2015.

Рецензия от Има Иро:

«Почему же (мужчина) бледная тень? Здесь недостаточно описаны его ощущения и переживания. Вокруг слишком много шума и наездов для одного мужского мозга.

Мне бы хотелось прочесть, о чём он думал. Это раз.

Во-вторых, история любви не раскрыта. У каждой любви ведь есть история. Любил ли он? Это два. Он ведь не обязан, по сюжету, её любить? Может, она надумала себе? Или ей просто показалось.

В-третьих, что он должен был сделать? Вышвырнуть ведро и заключить её в объятия? И заняться сексом на площадке под вопли жены и с наблюдающим в глазок хохотнувшим соседом? Или убить жену и они вдвоём сплясали бы на трупе?

Знаете что!!! Я бы хотела прочесть продолжение!

Портрет для киллера

Настя стояла у окна и смотрела во двор, и светлые каштановые волосы ее легонько раздувались от дуновений теплого ветра, щекотали открытые плечи, прикрытые только лямками легкого топики. Ее большие голубые глаза из-под длинных, дрожащих ресниц смотрели на мир открыто чуть восторженно и счастливо.

Второй этаж идеальное место для обзора и она так делала каждый вечер. Девушка была приезжая. Она остановилась у дяди, главного пожарника Москвы, так он себя называл. Он обещал ее матери помочь Насе с поступлением в театральное училище. Сегодня он с семьей уехал в свой загородный дом, и ей было скучно и одиноко.

В тот год Москва, как и вся страна, жила запахом перемен и новых свобод. Открывали архивы и всплывали страшные злодеяния коммунистов всех мастей. И сносили памятники, и переименовывали улицы и города. И в обществе с новыми свободами и возможностями, поселялось безверие в реальные возможности власти управлять страной, так как люди потеряли все, что копили десятилетия, и откладывали на черный день, и зарплаты у людей стали нищенскими по сравнению с ценами в магазинах, ларьках и на барахолках. Среди этого хаоса и безверия как грибы росли сомнительные кооперативы, и товарищества и махровым цветом расцвела преступность, набившая руку на том, что бы заменить государство в области взимания налогов с предпринимателей всех мастей и рангов. Но Настя была далека от всего

этого, и столица вызывала у нее только чувство необъяснимой радости и душевного трепета.

Она стояла у окна, а на скамеечке во дворе сидел парень в матерчатых тонких перчатках и читал книгу. Он был худощав, но видимо спорт ему не был чужд. Мышцы, особенно в районе плеч были накачаны. Черты лица его были не правильные, но приятные, нос прямой, волосы черные, подстрижены коротко. Нижняя половина лица была с легкой небритостью. Не с той, что забывают побриться, а которую оставляют намеренно, тщательно удаляя ненужное. «Наверно тоже студент? Почему тоже? Еще сама не поступила, а уже причислила себя к московским студентам. Он симпатичный!» подумала девушка. «Наверно живет рядом. Он определенно симпатичный!» опять пронеслась и запала у ней мысль. Вчера она тоже видела его. Он два или три раза проходил не спеша под ее окнами. Если бы он жил у них в Чите, они бы познакомились. Парень видел, что она на него смотрит, но ровным счетом не обращал на нее внимания и даже иногда как-то криво и недовольно взглядывал в ее сторону, будто она мешала ему усваивать его литературу. Конечно, это был какой-то московский задавака. В Чите бы они непременно познакомились. Парень ей определенно нравился. Но это же Москва. Она вздохнула и пошла спать.

В субботу днем его не было, а вечером она открыла окно и вновь увидела его. Он был опять с книгой в руках, и рядом лежала спортивная сумка. «Пришел! Не запылится!» —

уже как о знакомом подумала она и опять поймала его быстрый недовольный взгляд. «Еще и нос воротит. Интересно, что у него раскрыто, учебник или какой-нибудь любовный роман? Наверно ему совсем дома не дают читать. Бедненький!».

Настя разыскала у дяди чистые листы бумаги, карандаш, резинку. Тщательно вымыла разделочную доску, вытерла ее насухо и прикрепила к ней канцелярскими кнопками бумагу. «Так пойдет!» – одобрительно сказала она сама себе и вышла на лоджию, которая тоже выходила во двор. Она уже давно не рисовала, и карандаш плохо слушался ее пальцев, но увлекшись, она почувствовала былую уверенность, и все стало получаться. Смелые штрихи ограничили зону головы. Легкие едва заметные осевые задали зону глаз, носа, волевого подбородка. Постепенно из этого хаоса черточек, линий все более явственно стали проступать черты лица молодого мужчины. Все было привычно. Задавака получался как живой. Она так и нарисовала его с немножко кислой физиономией. Взяв в руки импровизированный мольберт, она подняла его в одной руке повыше и стала, поглядывая на него, наносить завершающие штрихи.

Парень, очевидно, заметил, чем она занимается и буквально подскочил как пружина. Видно было, что он очень рассержен. Он сразу ушел и скрылся за старыми, со следами побелки, тополями, которые росли в дальнем углу двора.

«А поздно задавака!» – с улыбкой подумала девушка,

с удовольствием любуясь своей работой. «Поздно!». Ей нравилось рисовать, и она металась в своих увлечениях между театром и живописью. Думала поступать на худграф, но все-таки театр перевесил. «Так тебе и надо... обнимайся с тополями!» Подумала она и, сделав губы трубочкой, послала дурашливый воздушный поцелуй в ту сторону, куда скрылся парень.

Сладко и широко потянувшись, Настя подумала «Как все-таки хорошо в Москве!» почувствовала, что немножко проголодалась и сходила, попила чай с пирожками, которые сама делала все утро.

Длинные косые тени от деревьев становились все гуще и длинней и, наконец, сумерки потихоньку окутали двор. Почти стемнело но фонарей еще не зажигали. Настя опять подошла к открытому окну. Парень вернулся и сидел, читал почти в темноте. «Что он там видит? Станный такой».

В это время из соседнего подъезда вышел погулять с небольшой собачкой, йоркширским терьером, грузный немолодой мужчина. Парень мельком глянул в его сторону и оживился. Положил книгу в сумку. Что-то из нее достал завернутое в газету, набросил ее ремешок на плечо и направился в его сторону. Он шел, совсем не торопясь, и не смотрел в его сторону, пока не поравнялся с ним. Потом как-то лениво обернулся, что-то коротко сказал и раздался легкий хлопок. Мужчина странно дернулся, протянул руки к нему, как бы хотел ухватиться за него, и упал. Парень склонился

над ним, поднес сверток к самой его голове, и раздался еще легкий хлопок, как будто выбивали ковер.

Парень торопливо засунул сверток в сумку и оглянулся. Он увидел ее в окне. Настя вдруг с ужасом поняла, что произошло, и с силой и звоном захлопнула створки окна. От ужаса и нелепости произошедшего ее охватила оторопь. Она отскочила в угол и онемела. Мелкая противная дрожь сотрясала ее тело. Никаких мыслей не было. Было гадко и противно. Окружающее сразу померкло в ее глазах. Весь мир, все вокруг исчезло вдруг, будто кто-то невидимый накрыл это темной пеленой. Стало холодно и пусто. Спустя минут пять, когда шок прошел, она очень осторожно прокрадась к окну. Встала у края и с замирающим сердцем глянула во двор. Ничего не изменилось. Так же лежал мужчина, а вокруг бегала его собачка. Только рядом с ним появилось темное пятно, которое все время увеличивалось. Парня не было. И вообще никого не было вокруг.

Настя, поглощенная своими мыслями и увиденным, не слышала, как кто-то осторожно взбирается по водосточной трубе. Не видела легкой тени, которая быстро метнулась и оказалась у них на лоджии. Когда он предстал перед ней, она не закричала и вообще не смогла вымолвить ни звука.

Киллер выглядел уставшим, а в глазах его читалась решимость довести начатое дело до конца.

– Ты ...догадываешься, зачем я пришел? – спросил парень с кривой усмешкой на лице.

Она, молча безропотно, кивнула головой.

– Сама виновата.

Она опять кивнула головой.

– Ты одна в квартире?

– Одна! – сдавленно прошептала Настя и голос ее показался самой себе чужой и незнакомый и звучал он как будто из далека.

– Показывай, что ты там накалякала?

Дрожащими руками Настя вытащила из стола лист с его изображением.

– О! – Киллер удивленно посмотрел на Настю. – Умеешь! Ничего не скажешь.

Настя кисло улыбнулась и виновато развела руками. Парень очень медленно и аккуратно в четыре раза сложил листок и положил его в боковое отделение сумки.

– Возьму на память. Не возражаешь? – сказал он и при этом недобро усмехнулся.

– Берите, – выдохнула Настя.

– Еще б тебе возражать. Кто бы тебя спрашивал. Ну, это не важно. Важно другое – если ты нарисовала раз, ты можешь это повторить. ... Ты же можешь повторить?

Настя молчала вся сжавшись. Все внутри у ней замерло. Чувства, мысли, разум, сознание – казалось, атрофировались, и она превратилась в какую-то безвольную одноклеточную амебу, которой уже все равно, что будет дальше.

– Можешь повторить?! Я тебя спрашиваю? – повисив го-

лос, вновь спросил киллер.

– Да! Конечно. Да! Я смогу.– Как от удара вздрогнула Настя.

– Не врешь. Это мне нравится. Я убью тебя не больно. Как этого. Ты же видела, он даже не вскрикнул.

Киллер не торопясь, достал из сумки сверток, завернутый в газету, развернул его. Газету сложил обратно в сумку.

– Умирать не страшно, если это делают профи. Ясен перец, придется немножко потерпеть, но как без этого. Но это точно лучше, того, чем попасть к челу который это делает и боится, не уверен в себе или делает это впервые. Мне не раз доводилось. Я это делаю не в первый раз, так что с этим все в полном ажуре. Расслабилась?

– Нет!

– О! Как!... Зря! – с сожалением произнес киллер.– Тебе же хуже.

Пистолет был небольшой, но длинный, а может, так казалось из-за набалдашника на стволе. Вороненая сталь приглушенно поблескивала и невольно приковывала взгляд Насти. Так наверно гипнотизеры выкладывают на сеансе блестящие шарики, и лишают воли пациента. Он достал мягкую суконную тряпочку серого цвета и, не снимая перчаток, неторопливо стал его протирать, очищать, от каких-то неведомых пылинок.

– Пуля дура. Смерть от пули в черепушку это самое легкое, что удалось придумать нашим предкам, пожалуй, легче

только умирать от передозировки наркотой. Но это не наша тема. Ведь так?

– Я не знаю о чем вы?

– Не догоняешь? Да так ни о чем. Настраиваюсь на работу. В смерти, конечно, ничего не может быть прекрасного, не так как в старых советских фильмах про войну. Этого не обещаю. Киношники все врут. Смерть почти всегда бывает, страшна. Нелепая даже я бы сказал, но что делать. Кто-то должен этим заниматься. Все мы когда-нибудь станем жмуриками. И я и ты. Ну, ты чуть раньше.

Киллер закончил протирать пистолет. Так же аккуратно как перед этим укладывал портрет, сложил вчетверо тряпочку и неторопливо положил в тот же боковой карман.

– Где тебе лучше?

– Что? – с ужасом поняла Настя, но спросила в слабой надежде что ошиблась.

– Ну, где лучше это сделать? На кухне? В ванной? Выбери?

– Я не знаю.

– Или здесь? Я и здесь могу, – с ласковыми и добрыми нотками предложил киллер.

– Здесь наверно тоже можно.

– Можно, не можно, что ты как овечка! Попроси что-нибудь перед смертью закурить, может выпить хочешь?

– Я ...не пью и не курю. Я из Читы приехала к дяде... это его квартира.

– Вот видишь! «Не пью-ю, не курю-ю...» – Растягивая слова, передразнил ее киллер. – Значит, здоровенькая по-мрешь.

– Я поступать приехала в театральное, экзамены закончились, завтра уезжать хотела. – Быстро проговорила Настя.

– Хотела она. Хотела. Мало ли кто что хочет.... Поступила?

– Да?

– Типа повезло тебе. А не поучишься уже. Чувствуешь, какой расклад. Дядя помог?

– Дядя!

– Ясен перец! Разве так в театральный в наше время из Мухосранска поступишь. Вот и дядины хлопоты пропадут. Жалко, может артисткой бы стала.

– Жалко, – уныло согласилась девушка, и глаза ее стали слегка влажные.

– Так то ты ничего, – киллер окинул ее хрупкую нежную фигуру оценивающим взглядом с ног до головы, – мне такие нравились и нравятся. Может, там глядишь, и в киношку бы пошла.

– Пошла.

– А тут видишь, оказалась не вовремя и не в том месте.

– Ужасно глупо.

– Причем тут глупо или не глупо. Фигня все это! Мало ли кто чего малует. Вот ты меня нарисовала, другая еще кого, – он помолчал немного, – случай!!! Такие обстоятельства

случились. Как мне не хочется заниматься этим с тобой- Он поднес ствол пистолета ко рту и дунул в него. Он отозвался глухим свистом.

– А вы же можете не убивать?

– Ну, это ты брось. Это я так сказал. Не обращай внимание.

– Не убивайте, что вам стоит.

– Ну, хватит на жалость давить. Что? Ничего так и не придумала, что бы ты хотела сделать перед смертью.

– Я не хочу умирать.

– А что делать? Работа у меня такая. Во! Придумал! Что ты там сдавала, расскажи перед смертью. Басню, стишок?

– Я и то и то могу.

– Ну, давай мне все равно?

Девушка напряглась, потеряла лоб, виски.

– Нет, не могу. Все забыла.

– Ничего тебя клинит.– сказал киллер.

– Извините!

– Да блин! Что там у вас в Чите все такие. Ее жизни лишить хотят, а она извините... из-вините.

– Я завтра уеду. Честно. Отпустите меня.

– Да как я тебя отпущу голуба.– Он подошел, погладил ее по голове. Она испуганно от-шатнулась.– Не могу я.

– Отпустите!

– Свидетель ты и еще рисовальщица мать твою!

– У меня и билет есть на поезд, я вам покажу. Могу прямо

сейчас уехать на вокзал, переночевать тами на поезд, как будто меня и не было здесь совсем.

– Да базар понятен... но поделаться ничего не могу. За грязную работу меня самого могут убрать.

– Убрать?

– Ну, убить. Вот ты сделаешь фоторобот или свои художества повторишь. Мой портрэт (он так и сказал портрэт,) развесят на каждом столбе. Меня будут искать и рано или поздно заметут, ведь так?

– Наверно.

– Значит, я потенциально могу в сизо, то есть на следствии, сдать заказчика. А кто это допустит. У заказчика знаешь сколько бабла. Если он почувствует такой кипиш пошлет еще киллеров что бы меня убрали по-тихому. Сам виноват. Засветился. Так что оставь я тебя, и мне крышка. Усекла?

– Да.

– Ну, куда двинем?

– Подождите. Я стишок вспомнила! – сказала она с широко открытыми от испуга глазами.

– Не длинный? – с нотками недовольства спросил киллер.

– Нет.

– Рассказывай голуба.

Девушка напряглась как-то вымученно улыбнулась и развела руками.

– Опять забыла.

– Вот видишь, сама у себя пару минут жизни украла. Ну ладно, пару минут я тебе подарю. Может, в толчек, в смысле в туалет перед смертью хочешь?

– Хочу.

– Ну, пойдем, только не закрывайся. Я ногу поставлю, смотреть не буду.

Они прошли в туалет. Она села посидела и встала.

– Что? Никак?

– Я при вас не могу.

– Мужчин боишься, поди, и девочка еще?

Настя, молча обреченно, кивнула. Глаза ее были потухшие и как бы закрыты поволокой и никаких мыслей в них не отражалось.

– Блин! Ну и работа у меня. Что зажалась?

– Так.

– Выпить есть?

– Есть. Водка. Вот тут в шкафчике, – торопливо пробормотала девушка, делая произвольное движение всем телом к кухонному гарнитуру.

– Не палёнка?

– Нет.

– Давай. Для храбрости.

Настя потянулась, достала дорогую мариинскую водку, которую предпочитал дядя. Литровая бутылка была початая, но около трех четвертей в ней еще было.

– Этот, которого я сегодня замочил ...что? Заслужил, –

сказал киллер, как бы разговаривая сам с собой, – воруют, не могут договориться. Как пауки в банке друг друга заказывают. Наливай, ... наливай, полный стакан. Вот! Нормалек! Вон туда отойди в угол подальше, чтобы не слиняла, пока я пью.

Он размашисто одним залпом выпил две трети. Поставил остальное на стол.

– Офигенное пойло! Держи! – Он подвинул ей резко остатки водки, – Не брезгуй, пей из моего, тебе уже теперь все равно. Давай.

– Нет.

– Да знаю, что не пьешь. Надо. Кайфанешь. Не так страшно будет. И закусь. Поскреби по сусекам.

– У меня пирожки. Сама утром пекла.

– Молоток! Давай.

Она выпила все до дна, и они стали закусывать пирожками.

– Вкусные. У меня ма тоже такие пекла раньше.

– А сейчас?

– Сейчас нет. Она уже давно не встает.

– Ты ходишь к ней?

– Ну а как же? Я что совсем что ли.

– Странно.

– Да это работа. Так-то я нормальный. Она ясен пень, ничего не знает. Сегодня был. Завтра не знаю, как получится. Ждет, всегда волнуется.

– После убийства к маме ходите.

– Ну, ты даешь голуба! О! Водка по мозгам шарахнула. Хорошо! Налей еще немного. Вот примерно то, что я тогда тебе оставлял. Нет, это много.

– Много?

– Ну ладно. Оставь. Пирожков то больше нет?

– Нет. Я могу напечь.

– Эх! Хитрая какая. У вас все в Чите такие? Что я тут с тобой буду сидеть до полуночи. Пиф! Паф! И в дамки. Мне тут высиживать совсем не резон.

– Я просто сказала.

– Про-о-сто. Вон там, что в тарелке? – Киллер вытянул руку по направлению к кухонному окну, прикрытому легкой полупрозрачной шторкой.

– Яблоки.

– Неси ладно. Пойдет. Закушу яблочком.

– Хорошо! Нормальная водка у твоего дяди. Ты что думаешь, я убийца? Нет. Они убийцы. Я исполнитель. Убивает пистолет. Я только нажимаю на курок. Они убийцы, я передаточный механизм. Винтик. Одно звено в цепи и не главное.

Киллер помолчал, погруженный в свои мысли и продолжил:

– Прежде чем нажать на курок знаешь, сколько событий происходит. Обычно подготовка недели две, а то месяц. Паяны ездят, устанавливают маршрут, привычки клиента. Се-

мья, работа, телохранители если есть, водители, любовницы, съемные квартиры, коды подъездных замков, телефоны, фотографии в разных ракурсах. Представляешь не того замочить!?

Да-а! – Киллер доел яблоко, и огрызок положил в свою сумку. – Он тебя ни разу не видел, а ты прямо все про него знаешь. Вот он на блюдечке с голубой каемочкой. Пацаны могут засветиться. Им обеспечивают алиби. Как правило, отправляют в другой город. Дальше мой выход. Выбрать место и время согласно привычкам клиента. Подготовить проверить пути отхода. Скажем замки на чердаке сбить. Легенду, почему я здесь оказался. Работа мать ее! Просто работа, за которую платят хорошие бабки. А так! Я мать люблю, брателу, сестру. Меня грохнут и им всем крышка.

– Давай и тебе маленько? – Киллер вновь потянулся к бутылке.

– Нет! Мне уже хватит. Пожалуйста, хватит! – Взмолилась девушка.

– Спокуха! Убери руки.

– Чуть-чуть! Только совсем немножко.

– Много не налью. Пей!

– Ну, зачем?

– Пей! Я знаю что делаю.

Она выпила. Яблоко не взяла. Утерла губы кистью руки.

– Ну как пошла? – киллер улыбнулся.

– Не знаю. Голова немного закружилась.

– Это нормально. Закусывай. Закусывай. Держи вот яблочко.

Он протер руками в перчатках крупное яблоко и подал ей.

– Кружится.

– Садись. Вот сюда. Ага. Нормально. – Он устроился поудобней, немного откинувшись на стуле. – Ты знаешь, как я стал киллером. Мы с Челябинска сами. Отец и мать приехали, вложились в новостройку. Там все продали. Нам должны были построить хату. И что? Да нифига. Кинули. У отца инфаркт, мать слегла.... Квартира съемная... Что делать? Я типа старший. Брат балетными танцами серьезно занимался. Сестра вот как ты. Нет чуть помоложе, на следующий год школу кончает. Москва, столица мать ее!

Он забарабанил по столу пальцами, и желваки у него на лице заходили ходуном.

Правду начал искать. Наши заявки лежат себе и лежат. Никто не чешется. Одни отписки. А потом узнаю. Все в сцепке. И прокурор и следаки. Так я захотел наказать. Порешу, думаю ублюдка генерального. Ствол стал искать. Купить не на что. Думаю, сунусь к бандюкам каким-нибудь. Сунулсся. К одним, ко вторым, третьим. А никому я не нужен. Это только в киношках красиво снимают. Реальные пацаны сами на своем районе работают и лишний рот им совсем ни к чему. Ну, зачем я им? Кто крышует, кто проституток развозит, кто с тачками мутит. Возьми меня. Лишний рот, делиться надо. Послали меня короче. Ушел. Дальше случай помог об-

стоятельства у братвы. Через полгода меня нашли. Базар завели, не передумал? Нет говорю. Тебя никто не знает. Вальнешь одного из соседней группировки по-тихому, достал сука, нам не по понятиям. Если засветишься, мы в отказ пойдем.

И что если все «окей»? Говорю им. Там посмотрим. Уклончиво так отвечают. Так вот и стал в резерве у них. К себе не берут, но разовые заказы, иногда подкидывают. Ну и бабло соответственно. Не обижают. Может и правильно, что на дистанции держат. Киллера ведь вообще никто не должен знать. Блатная среда она только на первый взгляд такая спаянная и братанская, а стукачей там не мало. А может, побаиваются. Киллер он кто? Он вообще вне закона, семь или восемь человек на тот свет отправить, это уже все одно. Один спрос. Представляешь если на тебе несколько жмуриков... полная свобода. Что ты там примолкла?

– Я не примолкла. Слушаю.

Настя посмотрела на часы. Она посмотрела не для того, что бы узнать время.

– Думаю, для них я не стал своим. Пользуются моими услугами, а я чужой. По фене я почти не ботаю, на киче не чалился, по кабакам с ними не сижу, с проститутками их ними не сплю. Да! Этого генерального я все же вальнул. Ох! Уж он у меня на коленях поползал. Специально подкараулил в таком месте, чтобы нам не помешали. Что он мне только не предлагал? Да кто же ему поверит. Раньше надо было го-

ловой думать, а не этим местом.

– Убивать страшно? – промолвила Настя.

– Если знаешь что это отморозок, то нет. А других почти и не бывает. Если бы у нас были не заподлянские законы... Понимаешь! Никакие киллеры бы не понадобились. Скажем, занял под честное слово и не сдержал. Что делать тому, кто деньги дал, куда идти? Как наказать? Скажи?

– Ничего нельзя сделать?

– А что? Слово без бумажки в наших судах пустые слова. Только убить гада, если у него совести нет. Ну, или вот нас представляешь сто сорок человек! Сто сорок дольщиков кинули. Люди последнее продали. Что ему простить? Пусть жирует и живет припеваючи? Типа ему все можно, а мы быдло?! Ну, ровно у него все с ментами и в прокуратуре и адвокатишки его всегда отмажут, при нашем-то дырявом правосудии. И что? На таких закона нет? Может, закона и нет, а справедливость должна быть. Кто его наказал? Я!... Я преступник или я судья, а может палач? Кто я?

– Это другое дело.

– Всегда другое дело. Так просто нас не вызывают. Только если других способов нака-зать нет. Мы последняя инстанция справедливости.

– А я?

– Ты что?

– Я?

– Про тебя особый разговор.... Подставила ты и меня и се-

бя.

– Скорее себя.

– Себя точно.— Со вздохом произнес киллер.

– Откуда мне было знать.

– Наверно не счастливая у тебя планида голуба. Не счастливая. Некоторые рождаются счастливыми – некоторые нет. Вот ты нет. Что теперь уж! Это теперь все равно.

Он достал спичку поковырял ею в зубах.

Вот ты говоришь я убийца. А как мусора? Они ведь тоже убивают? Они убийцы? Но никто их не осуждает. Они типа да! За справедливость. Но и я, если десять миллионов не отдал вон тот с собачкой, тоже наказываю. Слинять не успел. На съемной хате жил. Думал все шито-крыто. Все предусмотрел, от всего избавился и от квартиры и от машины и телефона, в другой район переехал, паспорт сменил и родственникам не сказал, где он может находиться.

Парень сделал паузу, вспоминая хронологию недавних событий.

Думал, его никто не найдет. Как же! Собачку с собой взял. По ней и вычислили. Любимая животинка. Пришел плановую прививку ставить в старую ветлечебницу. Тут-то наши и сели ему на хвост. Пришла расплата. Не по суду конечно, но за дело. По справедливости. Ты отдай не свое и живи, не скрывайся. Радуйся! Вот она жизнь! Что еще надо.

Он помолчал. Выпил еще. Лицо его побагровело, мимика лица стала замедленной, паузы между словами длинней.

– Вот зачем я так пью? После этого всегда напиваюсь, – со злостью в голосе и с недовольством проговорил парень.

– Ты много пьешь.

– Я знаю.

– Очень много, и почти не закусываешь, – проговорила она беззлобно и как бы констатируя факт.

– Хм! Заботливая.

– Да нет, я так. Пей, если тебе хочется.

– А мне не хочется совсем, – резко сказал парень.

– Видно.

– Ничего не видно.

– Вон погляди, сколько осталось в бутылке.

– Ты чё голуба! Воспитываешь?! Что-то мы засиделись с тобой. Перед смертью меня воспитываешь?

– Да прям.

– Мне в натуре не хочется ее. Потому что я хочу напиться.

Напиться в хлам и все это, того... что тяжело.

– Это не выход.

– Знаю. Но так легче все пережить, – заключил он со вздохом, взял стакан и начал вертеть его в своей руке.

– Это временное облегчение.

– Скоты конечно, а тоже люди человеки.

– Возможно, среди них есть и нормальные? – Сказала Настя.

– Нормальных не заказывают. – Отрубил парень.

– Бывают наверно обстоятельства или ты в это не ве-

ришь? – предположила она.

– Верю. Если только сам чел их и не создает.

– Не специально?

– В том то и дело что специально. Рискует. Может, пройдет, а может, нет.

– Это глупо.

– Иногда проходит. Даже очень часто проходит.

– Все равно не понимаю.

– Далеко не каждый решится. Смирятся. Прощают или денег жалко, а может они и последние были. Это же еще лишние затраты. Риск, что все вскроется. С трупа ничего не возьмешь, как правило. А они на это и рассчитывают. И все ради чего?

– И ради чего? – переспросила Настя.

– Потешить свое самолюбие.— Безапелляционно сказал он.

– Ты думаешь?

– А что еще.

– Что-то другое, – засомневалась девушка.

– Конкретно?

– Не могу сказать. Разве ты тешил самолюбие, когда убивал его. Он ведь твоего отца, мать, всю вашу семью покалечил. Если есть у тебя самолюбие, ты убиваешь, если нет то пусть живет. Так что ли?

– Не знаю.

– А не думаешь что это месть. А самолюбие это другое.

– Фиг его знает! Платят деньги и лучше в это не вникать.

– До-о-оро-огое удовольствие. Оно того стоит? – Сказала

Настя, растягивая слова.

– Не знаю. Я никогда не заказывал никого, – ответил он.

– Не считая генерального?

– Я его приговорил. Там другое дело.

– Для них наверно тоже «другое дело».

– Ну, может быть ты и права. – Неохотно согласился парень.

– Думаю права.

– А все одно, если даже ты уверен и прав на сто процентов, а так точно не бывает, с этим жить потом всю жизнь, – со вздохом сказал он.

– Это точно.

– Куда уж точнее. Сам того не хочешь и вспоминаешь. Иногда забываешь и неделю не вспоминаешь, а то и десять дней, две недели, потом все равно начинает скрести. Я уже приспособился. Как начинают глюки душить меня, надо сразу на что-то другое заморочиться, отвлечься. Знаешь, как маленьких детей отвлекают, когда они начинают реветь. Переключают внимание и они забывают, что хотели плакать.

– Помогает?

– А что. Все то же самое. Если продолжать думать и себя накручивать то вообще так хреново будет, что прям, не знаешь, куда и бежать.

– Сегодня тоже разгрузочный вечер?

– Типа того. Получился.

– А завтра как?

– Когда с этим переспишь ...на утро как-то полегче, – сказал парень.

– А я не верю, что заказывают только негодяев и подонков. Люди они и есть люди. Кто-то и их любит, для кого-то и они стараются.

– Они стараются для себя.

– Конечно прежде всего для себя, но не только. Мне кажется даже у самого плохого человека, есть какая-то отдушина, – проговорила девушка.

– Фиг его знает! Может и есть, – согласился парень. Я же не священник. Мне об их душе совсем ничего знать не хочется. Тут главный принцип «ничего личного». Я не стреляю в спины. Это тоже принцип. Я им всегда, перед тем как нажать на курок, так и говорю: «Извини брат. Ничего личного. Работа у меня такая».

– Ты думаешь, они успевают тебя понять?

– Надеюсь да.

– А я думаю, нет! Две, три секунды.

– Извини. За секунду я с обрыва помню, падал на машине, столько в сознании картинок пролетело, кажется, вся жизнь прошла.

– Обошлось?

– Даже не перевернулся.

– Повезло?

– В тот раз да! Определенно подфатрило.

– Пьяный был? Пьяным везет.

– Нет. Ни грамма. Я раньше почти вообще не бухал. Еще три года назад был почти трезвенником. Вот думаю идиоты, на что свою жизнь разменивают. И не тянуло. Ты мне веришь?

– Верю.

– Слабо веришь?

– А какой резон тебе врать.

– Был мальчик паинька. Правильный. Теперь нет. Теперь другой стал. Мне все одно крышка. Недолго осталось. Раньше не было у меня такого предчувствия, а сейчас есть. Думаешь, люди могут предчувствовать свою смерть.

– Наверно есть такие.

– Думаю и я такой.

– Может, кажется. Напряжение сказывается.

– Это тоже. По лезвию хожу, но здесь другое.

– Переспишь. Пройдет.

– Не знаю. Как-то чувствую – сам на смерть иду иногда. Одергиваю себя. Рискую по зряшному. Играю со смертью в рулетку как бы. Чет или не чет.

– Глупая игра!

– Да уж! Ничего хорошего. Завяз я. Хоть и на дистанции меня держат, все одно много знаю. И они знают, что я знаю. Что не знаю, догадываюсь. Один слово сказал, второй обронил, третий по телефону что-то там ляпнул. Нет, если я за-

вяжу, то буду слишком опасный для них. Они меня теперь не отпустят. Еще бы год, полтора назад, можно было слинять. Теперь нет. Мать, брат, сестра... под прицелом

– А отец? Что с отцом?

– Да уж три года как. Сердце оно же не каменное. Мать долго не протянет наверно... сестру, брата жалко. Брат на той неделе в Мадрид вылетает на конкурс. Талант. Брата и сестру не отпустят. По нему и нас вычислят всех. Вот если меня убьют, то всем амнистия. Слушай! Сыграем в чёт не чёт. А? Убей меня. – Он был уж сильно пьян, но тут взял себя в руки и казалось хмель выветрился из его головы.

– Не поняла. О чем ты?

– Давай я тебе дам пистолет. Ты нажмешь на курок. Ты будешь свободна. – Он громко и нервно засмеялся, – Держи. Он заряжен. Вот так правильно. Не бойся.

– Нет! Я не хочу. – Сказала она, презгливо беря его в руки.

– Да это фигня. Раз нажмешь. Плавно пальцем.

– Нет! Нет!

– Заладила.

– Отпусти меня. Ты делаешь мне больно.

– Нажми на курок. Зажми глаза, если боишься.

Настя смотрела ему в лицо. Он смотрел на нее не мигающим взглядом. Так продолжалось довольно долго.

– Не буду, – наконец решительно сказала она и положила пистолет на стол. Он с грохотом скользнул и чуть не упал с поверхности стола.

– Это твой шанс. Не торопись отказываться.

– Я не буду играть в твои игры. Ты много выпил.

– Неважно сколько я выпил. Ты подписываешь себе приговор.

– Будь что будет.

– Как хочешь. Ладно. Давай обратно..

Настя так толком ничего и не поняла, толи он шутил, и пистолет бы не выстрелил, или все было в реальности.

Он надолго замолчал. Долго смотрел в темный угол комнаты, слегка свесив голову. Потом продолжил:

– Да! А ты говоришь! Убить человека не так-то просто.

– Зачем тебе все это?

– Видишь сегодня не чёт. Предчувствие меня сегодня обмануло. Как ему верить. Ни фи-га ему верить нельзя, и никто вообще ничего не может чувствовать. Сказки это все. Сказки, правда?

– Я ничего не говорила.

– Да я это так. Налей еще.

– Хватит.

– Тебе же лучше дуреха. Пьяный киллер. Чувствуешь расклад. Сбежишь скорее.

– Я не побегу.

– Почему?

– Потому что ты не будешь стрелять.

– Я!... Я не буду, – он задохнулся от возмущения, – да я!

– Не будешь.

– А с чего ты так решила?

– Давай лучше поедем на вокзал.

– А мне это надо?

– Я домой хочу. В Читу. Там тоже у меня мама. Она ждет меня.

– Ты точно и с концами и типа я тебя должен отпустить?
А как же я тебя могу отпустить. Не могу я этого сделать.

– Что убьешь меня?

– Конечно. Я же профи. Тебе давал шанс? Давал. Ты им чего-то не воспользовалась. А теперь голуба трудно мне будет. Трудно. Не скрою. Но надо. Ведь надо?

– И завтра к маме?

– А при чем здесь мама? Ну да! Пойду. А при чем... ну да... да и у тебя мама и у меня мамау всех есть мамы. И все они ждут. Но это грязная работа. Кто будет за мной подчищать? Блин! Что с тобой делать!?

– Поедем на вокзал.

– Ну не знаю... не знаю...

– Поедем.

– Не знаю..

– Я в Читу, а ты уж куда там захочешь. А то ты уснуть тут можешь.

– Могу. Это я могу. О! Ментяры охренеют. Киллер мать его хреновый попался! И сразу звезды халявные на погоны.

– Давай одеваться.

– Идет. Мадам. Да! А как тебя зовут.

– Настя.

– Настя. Настенька! Очень приятно. Дайте поцелую вашу ручку, – он приложился губа-ми к ее пальцам, – какие у вас пальчики просто прелесть!

– Уже хватит!

– Отпускаю. О! А меня как?...Хочешь узнать?

– Дело твое.

– А я тебе не скажу. Вот. Меньше знаешь – лучше спишь.– Он пьяно взмахнул рукой, – Провожу тебя. Надежная у тебя сегодня охрана. Всех положу если что. Ты мне веришь?

– Верю.

– Нет, ты, правда, веришь?

– Да верю, верю.

– Тогда заказывай тачку.

– На улице поймаем.

В машине его укачало. Она растолкала его и ее помощью, они добрались до зала ожидания.

Дежурный патруль неторопливо обходил отъезжающих. Спросили билет и у Насти. Она показала паспорт и билет.

– А этот с вами?

– Да! Он провожает.

– Скажите ему, что спать здесь не положено.– Слегка козырнул совсем молоденький лейтенант.

– Обязательно.

– Украдут такую симпатичную девушку, не заметит, – пошутил он, уже удаляясь.

– Скажу.

Они с напарником прошли до конца ряда, и пошли обратно.

– Так и дрыхнет твой ухажер? – улыбнулся лейтенант, вновь подходя к ней.

– Да. Он с работы. Сильно устал.

– Ничего. Раз кавалер нечего филонить. Вы вот заскучили. До поезда еще два часа.

– Совсем нет. Да мы сами разберемся...

– Эй! Милейший. Просыпайся.

Лейтенант легонько толкнул его в плечо. Он что-то промычал, очнулся и, увидев перед собой милиционера спросонья, не разобравшись, попытался выхватить пистолет. Молодой лейтенант опешил, побледнел разом, рука его тоже скользнула за оружием. Все решали секунды, мгновения. Глушитель у парня запутался в кармане. Лейтенант выстрелил, навскидку не целясь. Это был один выстрел в грудь. Наверно он и не хотел убивать, а сделал это больше интуитивно или от недостатка опыта. Лейтенант выстрелил на опережение, но выстрел был точен. Парень не сразу умер и еще какое-то время смотрел на Настю и что-то пытался сказать. Она еле разобрала:

– Зачем Настя? Так больно! Неужели все? Я же не сделал тебе ничего плохого.

Настя склонилась испуганная без слез и все время твердила, глядя ему в глаза с угасающим сознанием:

– Это не я! Не я.. не я...

Что было дальше. А что было дальше. Куча глупых вопросов в милиции. Подписка о не выезде. Желтушное не выпавшееся лицо следователя, который не столько спрашивал, сколько кричал и что-то требовал, угрожал, настаивал. О чем он спрашивал. О чем он спрашивал, и что она ему отвечала невпопад. Какая разница. Что она могла сказать. Что она вообще знала. Она смотрела в лицо... это желтушное не выпавшееся лицо следователя и думала, что наверно ему за его рвение можно и должно добавить еще одну звездочку на погоны. Пусть! Пусть этот мир катится в тартары. Ко всем чертям!

Утром она шла по московским таким милым вчера улицам и думала... думала, думала. Голова гудела от глупой бессонной ночи в милиции. О чем она думала? Просто не о чем. Ночной дождь как-то неожиданно свернул лето. Дворники в каком-то тупом рвении собирали опавшую за ночь листву. Собирали ее в большие кучи и поджигали. Листва не горела, а только противно тлела, заполняя дорожки и всю округу едким дымом.

Дядя встретил ее с немым вопросом на лице. Что можно сказать главному пожарнику Москвы. Она вообще не знала, что отвечать на его вопросы. Двадцать вопросов и ни одного вразумительного ответа. Он отстал, когда она вдруг взяла со стола у него пачку Мальборо и закурила у него на глазах. Она курила только один месяц в 13 лет. Пробовала. Не по-

наверилось. Бросила. Сейчас она курила в зале и пускала клубы дыма прямо ему в лицо. Что он говорил. Разве так важно, что он говорил. Наверно он понял. Он просто оставил ее в покое. Это было то, что нужно.

Москва жила своей жизнью. Кто-то сколачивал нечестные капиталы, кто-то кого подставлял и ждал расплаты. Депутаты вещали о новой и лучшей жизни, им никто не верил, но за них продолжали голосовать и они в бурном экстазе и упоении что их слушают, продолжали врать всем и вся.

Где-то на другом конце Москвы девочка чуть моложе ее, тщательно, стараясь расправить каждый шовчик, гладила нарядный концертный костюм для своего брата. Она очень старалась, и от усердия у нее даже был виден кончик языка. Она не знала, что все ее труды пропадут даром, и брат не полетит в Мадрид ни в этот раз, и ни в какой другой. И брат ничего не знал, что он теперь стал главным в семье и что эта съемная «хрущевка» на окраине им теперь не по карману и что вообще с московской жизнью пришла пора кончать окончательно и бесповоротно.

А в квартале от них в больничной палате на шестерых лежала без движения одинокая и несчастная женщина. Она целыми днями смотрела на верхушки старых берез, которые уныло качали ветвями, повинаясь воле ветров. Иногда на самые высокие ветви садились обожравшиеся на московских свалках стаи ворон. Она не любила их и прикрывала глаза, чтобы не смотреть, но их скрипучее карканье все рав-

но долетало сквозь открытые форточки, и с этим уже ничего невозможно было сделать. Она любила послеобеденное время. Во второй половине дня она обязательно попросит, что бы сестра или кто-то из соседок по палате перевернули ее таким образом что бы она видела входную дверь. Конечно, в этой стеклянной заляпанной белой краской двери ничего интересного не было и она знала в ней каждую трещинку, тем не менее, она будет очень долго и напряженно смотреть на нее чтобы не упустить тот момент когда та откроется и она встретится взглядом с сыном.

Да! Вот скоро совсем скоро откроется дверь и зайдет ее сын, который просто не мог не прийти. Он всегда приходил, и сегодня он обязательно придет. Надо просто набраться терпения и подождать.

Ночной экспресс

В купе пахло углем и дерматином полок. Вагон был полупустой. Уставшая проводница со скучным лицом накладывала в топку маленькие чурочки, а также подсыпала уголь совочком. Красные отсветы отражались у нее на лице. В третий раз, она обносила пассажиров чаем, и стаканы призывно звенели у нее на подносе в подстаканниках. К чаю полагался длинный «Дорожный сахар» в пергаминовых обертках.

В Челябинске вышли мои соседи по купе... толстяк папочка, такая же мамочка и их невыносимый ребенок, который клал в горшок так, что вонь не проходила как минимум в течение часа. Я остался один. Это было приятно.

Проехали Курган и маленькую станцию Петухово. Следующая остановка предполагалась в Петропавловске. Бетонные шестигранные столбы проносились за окном, сливались с тревожно бьющимся гудком встречного локомотива. Бешеной свистопляской мелькали вагоны очередного товарняка, и вновь взгляд упирался в дачные строения, маленькие игрушечные домики с ломаными крышами, березовые облепившие рощи, пустые убранные поля, черные пары, сверкающие слюдяным блеском озера. Все было знакомо и уныло своей беспросветной осенней тоской. Союз доживал последние годы, но еще не знал об этом. Древние старцы из Политбюро еще были в силах, вцепившись в гранитные стены Мавзолея, чтоб не упасть, приветствовать пеструю толпу челяди далеко внизу под ногами. Пустые полки магазинов

встречали покупателей, а газеты привычно вращали про будущее изобилие и грядущий неизбежный коммунизм. Пройдя трибуны, демонстранты брезгливо кидали в открытые грузовики транспаранты и плакаты с их портретами. Очередное фальшивое признание в верности закончилось. Быстрее домой. Там жена или мать пытались из скудных продуктов исхитриться соорудить праздничный обед. Но мы любили ту страну, не смотря, ни на что.

Может, мы просто были молоды.

Вечерело. Читать уже надоело, да и глазам от тряски и плохого света было больно. Из соседнего купе доносились пьяные выкрики и ругань. Женский голос что-то возражал, но как-то вяло и равнодушно. Мужчина был настроен агрессивно. Говорил долго возбужденно и почти без пауз.

Наконец совсем стемнело. Зажгли тусклый потолочный свет. В соседнем купе выкрики стали звучать громче, отчетливей, потом раздался стук задвигаемой двери, и все стихло. Я вышел в туалет. У окна стояла девушка в розовом коротком платье из тонкого трикотажа, с полотняным плетением понизу и на рукавах. На ногах у нее были черные, отсвечивающие матовым блеском колготки. Девушка была без обуви и стояла на одной ноге, носком второй ступни упиралась в подъем стопы. Лица я ее не видел, она смотрела в окно, но когда проходил мимо почувствовал затылком изучающий взгляд на себе. А когда возвращался, она уже открыто посмотрела на меня исподлобья серыми печальными глазами.

Она была не совсем молода. Обычно так выглядят женщины, девушки, которым близко к тридцати, а может, ей было и не больше двадцати пяти. В этом возрасте не трудно ошибиться. Черная челка, прямые как воронье крыло волосы обрамлявшие овал лица, тонкий слегка вздернутый нос и чуть припухлые губы с небрежно наложенной сиреневой помадой, создавали общий образ миловидной, но чуть избалованной представительницы прекрасного пола. Когда я поравнялся с ней, она тихо проговорила с деланным вздохом.

– Совсем мальчик.

Фраза слетела с ее губ как бы случайно. Она ни к кому не обращалась. Я растерялся и ни-чего не сказав, скользнул в купе. Не знаю от чего, но теперь я сидел как на иголках и смотрел на неплотно закрытую дверь. Видел в зеркале свое глупое отражение, и оно меня забавляло. Вдруг я вздрогнул от неожиданного стука.

– Открыто, – сказал я торопливо.

После небольшой паузы, изображение мое уехало вправо, и я увидел в проеме Ее! Девушка излучала любопытство и доброжелательность.

– О! Такой мальчик и один, – она игриво, с небольшой опаской закусила губу, замерев у входа.

– Заходи, заходите, – промолвил я смущенно не зная как к ней обращаться.

Девушка шумно зашла, присела на нижнюю скамейку и тут же достала пачку сигарет «Космос», закурила. На шее

у нее висела тонкая золотая цепочка с вензельной буквой «В», в золотом овале. Прикрывая глаза, она смотрела на меня, неотрывно и с легкой блуждающей улыбкой. Я молчал.

– Принцессу не заказывали? – спросила вдруг моя новая знакомая, – а они закончились вчера. Ваша очередь не дошла. Их просто было мало.

Девушка выдувала из табачного дыма прозрачные сизые колечки и дурашливо посылала их в мою сторону.

– А я? Я не похожу на твою принцессу? Из снов?... Нет?

Когда сигарета стала подходить к концу и молчание затянулось, девушка неожиданно заговорила быстро, монотонно, как бы освобождаясь от мыслей, что владели ей, и как бы продолжая начатый неведома когда и с кем спор.

– Не отвечай, не надо. Почему я не там... я не приемлю сильную половину, тех, что пытаются учить меня жить. Не люблю критику моих рассуждений и мыслей. Лучше целуйте в голые плечи, тогда у вас зажат рот. Не люблю эти бесконечные «Ты куришь?» «Приличные девушки не употребляют таких выражений!». Я курю не «Мальборо» и пью водку. Случается. Бывает много... и что? Кому, какое дело? Это моя жизнь, мое здоровье. Не считай себя умнее других. Просто он не был на моем месте и не жил как я. Откуда ему знать что у меня на душе. Его крутая «Волга» с шофером, отдых в Испании с толстой дородной телочкой под названием – жена, его статусы на работе и прочие понты мне знаешь в рот и нос одновременно! Да! Я такая резкая. Могу и послать, ко-

гда достанут. Мне пофиг его роскошный букет... лучше тайком залез бы, своровал запоздалые астры в соседнем огороде, размял бы свою толстую жопу, освежился забытым адреналином. Деньги! Что деньги. Знаю проще купить. Он так и делает. А они честные? Я сомневаюсь.

Я ломала чужие жизни, и жизнь ломали мне. И били до крови. А теперь зажило и не хочу вспоминать. И вот такой хмырь сидит и учит меня, как жить, как себя вести, говорить, а сам смотрит на мои сиськи и думает, как меня трахнуть в очередной раз, а если я залечу, бросит как бездомную собаку, и забудет о моем здоровье, о котором столько болтал. Да плевать! Налъете коньяка? Не откажусь, назовете принцессой? Буду жить и ей да как-то все не так. Сказок нет. Принцессы извелись. Может мне постричься наголо и с понедельника начать новую жизнь? Но это треп, я не постригусь и не начну. И я не ангел и опять найдется козел, который в очередной раз меня банально разведет. Заманит диким берегом, теплым морем, отдельной комнатой на мансарде. И я поведусь. Возьму внеочередной отпуск или уволюсь и очертя голову брошусь в омут головой.

Сигарета у нее кончилась. Девушка замолчала. Она искала взглядом куда бы определить окурок, но не нашла ничего подходящего и успокоилась, вяло откинувшись на переборку.

– Выпить есть? – сказала она неожиданно требовательным голосом.

Я развел руками.

– Понятно! Откуда у такого маленького Нюсика выпивка.

Она вышла в коридор. Хлопнула дверь соседнего купе и спустя минуту она появилась в другом настроении с очаровательной улыбкой. В руках у нее была початая бутылка крымской мадеры и пара красных дешевых яблок средних размеров, что продают ведрами на станциях, когда проезжаешь Украину.

– Мы отдыхали в Геленжике, городишко так себе, но вина прелесть. Массандра. Попробуем?

– А это ваш в купе... он муж!? – наконец изрек я первую фразу, за время знакомства.

Она рассмеялась.

– Нет у меня такого добра! Нет! И не было. Глупости все. Эта пьяная скотина спит. А мы с тобой выпьем. Бум?

– Можно.

– Не можно, а нужно, немножко расслабиться. Что такой зажатый. Я не кусаюсь, – она звонко щелкнула зубами, – очень редко, но не в этот раз. Не бойся меня.

– Я и не боюсь.

– Вот и прекрасно, а после, что у нас будет?

Я пожал плечами.

– Отвечай!

– Не знаю.

– Ответ неправильный, – она опять лучезарно улыбнулась, – я тебя буду раз-з-з-вра-а-щать, – промолвила она,

понижив голос до шепота и выговаривая последнее слово по слогам.

Я опустил голову, скрывая смущение от ее излишней откровенности.

– А как? – прошептала она еще тише, – как Нюсик к этому относится?

Она придвинулась ближе, и, подняв мне голову, взявшись холодными пальцами за под-бородок, слегка укусила за верхнюю губу. От моей гостыи пахло вином, потом, и совсем слабо духами. Темная челка у нее сбилась в сторону, смазливое личико приняло шутливое и хищное выражение, а в глазах прыгали такие пьяные чертенята, что становилось слегка не по себе. Я весь напрягся как струна, хотел что-то сказать, но слов не нашлось.

– Что тормозишь! – промолвила она ставя локти на столик и подпирая ладонями лицо, – порежь яблочки, и стаканчики бы...

Мадера была настоящая. Девушка почти не пила, больше для виду прикладывалась к стакану, оставляя не его краях сиреневые разводы от помады. В голове моей слегка поплыло

– Ах! Нюсик! Ах, Нюсик! – повторила она дважды с легким укором.

Не выключая свет, пристально глядя на меня и любясь производимым эффектом, девушка начала неторопливо расстегивать перламутровые пуговички на кофте. Из под

розовых краев юбки черными волнами спустился нежный капрон, обнажая загорелые стройные ножки. Следом пошли светлые трусики в желтый мелкий горошек. Взгляд мой ловил все ее движения. Я сидел совершенно ошале-
лый от стройной полноты ее бедер, так просто оголившись до самого предела, где начиналась чистая белизна не загорелой кожи в начале живота, от блестящего островка черной поросли между ее ног.

– Нюсику нравится? – сказала она, томно улыбаясь.

Я вздохнул тяжело и ничего не ответил, только преданно по-собачьи взглянул в ее глаза, полностью доверяясь ей... и ее воле. Девушка поднялась, оперлась на одну ногу и медленно подняла подол повыше к груди. Согнутая в колени нога, описала круг туда и обратно. И опять туда и обратно. Черный треугольник между ног хищно и вожаденно казалось, подмигивал, скрывая что-то неведомое в глубине.

О! Господи! Я испытал непередаваемое чувство. Узкая талия, втянутый живот с вдавленным пупком, темная щеточка волос совершенно мучительная в своем притяжении. Все это заставляло учащенно биться сердце.

– Взрослые девочки любят маленьких мальчиков, – сказала она, любуясь на мое растеряно глупое лицо. У тебя была девочка... по-настоящему?

– Нет, – сказал я и густо покраснел, как будто сознался в чем-то неприличном и постыдном.

– Недотрога Нюсик! А лет нам сколько?

– Почти шестнадцать.

– Это много... пора становиться мужчиной.

Ее слова не возымели на меня действия. Я сложил руки на колени как старичок, замер, только расширенные зрачки глаз выдавали мое состояние крайнего возбуждения и волнения.

– Кинопередвижка в колхозе «Прощай Родина», – пошутила она, – а пьяный механик заснул. Ау!

– Не заснул, – сглотнул я непрошенную слюну, – совсем не заснул, – повторил я, торопливо мямля окончание фразы.

Она приблизилась почти вплотную, не опуская платья. Терпкие островатые запахи женского тела достигли моего носа. Вот она рядом... только протяни руку, коснись пушистых черных волосков. Пусть они утонут в твоих пальцах. Оказывается все так ПРОСТО!!! Все что раньше казалось несбыточным и запретным. Все что скрывалось за семью замка-ми... вот ОНО!!!...!!! Голова кружилась или от мадеры, или от моей развязной незнакомки, или от горячечных запахов, что исходили у нее от нижней половины тела, или от всего вместе взятого!!!

В момент наивысшего напряжения в купе постучались. Это было как гром среди ясного неба. Я в ступоре обездвигался, а она быстро опустила платье, вытянула губы трубочкой, приложив к ним пальчик, и показала взглядом на дверь. Я, глупо моргая, согласно кивнул ей в ответ, и открыл небольшую щель. Но тот, кто стоял с обратной стороны,

не удовлетворился этим и довольно бесцеремонно распахнул ее почти на всю ширину. В проеме двери стоял ее пьяный ухажер.

– Не понял! Ты чего здесь делаешь? – обратился он к моей незнакомке.

– Мавр пришел! Посмотрите на него. Проспался! – ядовито бросила в ответ девушка.

– Так! С этим щенком утром потолкую, а ты сейчас же брысь на место, – он страшно заводил глазами и добавил, – мигом я сказал.

Девушка сделала, оскорблено брюзгливое выражение лица, но, тем не менее, послушно вышла, незаметно подталакивая носком ноги колготки с трусиками в сторону. В коридоре Мавр, как она его назвала, продолжал ее костерить, но вполголоса. Она вяло огрызалась. Наконец их дверь захлопнулась и там наступила тишина, прерываемая редкими глухими стуками и сдавленными стонами.

Я ночью вышел в Омске. Вокзал встретил меня холодным неприятным дождем. Зонта у меня не было. Желтые фонари выхватывали из темноты блестящие станционные постройки. Пахло вокзалом, сырым асфальтом и шпальной пропиткой. В руках я помимо чемодана держал небольшой плотный пакет из газеты. Подошел к урне, хотел выкинуть, но передумал и торопливо засунул его во внутренний карман куртки. «А если найдет мама? Что она подумает? Ладно, спрячу где-нибудь в доме. Но зачем мне все это? Путь полежит. ... Мо-

жет все к лучшему. Все, что не делается, делается к лучшему. Интересно все же, как ее звали. Буква «В», Вика? Вера? Валентина?... а может Василиса несостоявшаяся принцесса Василиса-прекрасная. Я ехал в ночном такси, смотрел на родной ночной город, а мысли возвращались к небольшому пакетику, что лежал у меня на груди.

Всего год назад мы с Сашкой Малтыгиным старательно вырезали из журналов красоток. Журналы были зарубежные, что привезла ему сестра из Австралии. Она была балерина Новосибирского театра оперы и балета, и на ее день рождения приезжал олимпийский чемпион Александр Тихонов. Сашка был непростой парень. Я гордился им.

Мы заперлись в комнате и беспощадно кромсали эти журналы втайне от взрослых. Девушки были в купальниках, хороши и в откровенных позах. Ну, так нам тогда казалось. Железный занавес в те времена был строгий! Что получше фотки, Сашка забирал себе, а те, что не очень, милостиво отдавал мне. Я страшно завидовал ему. Мне было пятнадцать. У Сашки было сразу три порока сердца, и белый военный билет, который на самом деле был не белый. Он умер через три года в восемнадцать в такую же ветреную осень. Неотложка даже не успела приехать. Я учился на втором курсе института. На похоронах местное хулиганье перебрало так, что запели песни. А мне хотелось плакать.

Спустя годы я женился, а жена лет через семь нашла этот пакетик. Молча, положила на стол передо мной. Я как мог,

объяснил. Не знаю, поверила ли она мне? Наверно поверила. Спасла старая советская газета тех лет. Но выкинуть все, же пришлось. Мы любили ту страну, ... когда не было, казалось ничего ... и даже девочек в купальниках вырезать надо было тайком. ... Наверно мы просто были молоды.

Золотой песок

Какой сегодня день? Он чем то примечательный. Грустно и печально и нет неповторимой страны. Куда пропало море и белые любопытные чайки, которые не торопливо по хозяйски расхаживают по золотистому песку и клюют нашу обувь. Я стал забывать Иву в белоснежном прозрачном платье с лучистыми глазами.

Когда это было? И было ли вообще?! Долго я мог стоять и не уходить из сарая. Как пахнут расколотые и аккуратно

сложенные красноватые чурки из граба, наверно не пахнет ничто в этом мире. И сам он сделанный из земляных кубиков проросших травой. И этот высокий чердак с немыслимо извитыми яблоневыми перекрытиями. Они будто руками вытянувшись вверх держат черепичную крышу. Старые яблони! ...Это их последняя миссия, когда яблоки уже перестали родиться на их ветвях и радовать душистыми медовыми плодами.

Какой сегодня день? Он чем-то примечательный? Отчего так безрадостно сегодня. Грустно и печально, ...и нет чудесной и неповторимой страны Болгарии. Куда пропало море, белые любопытные чайки, которые неторопливо по-хозяйски расхаживают по золотистому песку и клюют нашу обувь. И я стал забывать Иву в белоснежно-прозрачном платье, ...с лучистыми глазами и развевающимися на ветру русыми волосами. Нет милых домиков в деревне с заплетенными в косички головками лука на потрескавшейся стене. И нет кроликов с красными глазами в решетчатых загонах. И заготовок соленьев-компотов в небольшом подвальчике.

Мы степенно садимся... за длинный дощатый стол, что стоит под открытым небом. Доски его почернели, но тщательно выскоблены. Над головой гостеприимное болгарское небо, с улицы белая ограда, увенчанная глиняными обожженными плитками, а со стороны дома густо вьется по деревянной решетке виноград.

Мы смотрим на хозяйку Иву. Она учится живописи и де-

лает большие успехи. Ее прозрачные воздушные акварели, кажется, пишутся на одном дыхании.

– Это мужское дело, разжигать огонь, – говорит она.

Мы сомневаемся и молчим. А большие руки Георгия неторопливо и точно бросают маринованные куски мяса величиной с ладонь на железные массивные колосники чугунной решетки. И огонь лижет решетку, а не мясо. Оно только жарится шкворчит как на сковородке и истекает запахами, которые поднимают бурю голода в наших желудках.

Ива, покинув нас на минуту, возвращается с литровой квадратной бутылкой.

– Это ракия!

– А где же вино? Мы же в Болгарии!

– Нет только ракия на абрикосах.

Мы в легком недоумении.

«Именно тех абрикосах, что уже не могут держаться на ветках и падают сами на землю. Они уже полны вином, – рассказывает Ива, – они уже настолько выспели, что начинают подбрасывать на ветках. Это укладывается во фляги, бочки».

– Сусло,... оно какое? Это как компот или кисель?

Я получаю ответ, который все равно для меня непонятен. Косточки дают, то, что никогда не даст мякоть плодов. И все это возгоняется по витым трубочкам, охлаждается в деревянном корыте с родниковой водой и бежит тонкой струйкой в жестяной бидон с мятыми краями.

Вот она абрикосовая Ракия! Назовем ее с большой буквы. Прозрачна и крепка. Меньше пятидесяти градусов и на стол ставить стыдно. В хрустальном бокале закрыто дно. Крепость не чувствуется. А Ракия мягкими лапами крадет сознание. А вот и мясо, источающее нежные запахи специй и приправ.

– А это что ты несешь? Банница? Что такое? Никогда не слышал?

Творог, тесто, и женские заботливые руки. Этот воздушный пирог тает во рту с предельной быстротой. А я смотрю на дерево, и она говорит, что это черешня.

– Такая большая?

– Да! Даже самой высокой лестницы не хватает.

– И сколько же ведер можно собрать?

Но хозяйка только лукаво улыбается.

– Нельзя говорить, услышит черешня, не будет родить.

Она же живая, лучше посмотри туда.

– Ого! Это просто исполин. Это тоже ваше?

– Нет! Он растет за оградой. Он рос, когда еще не было меня, не было моей мамы, даже мой дедушка, которому 96 забыл, откуда он появился.

– Это же грецкий орех. Я знаю.

– Нет, это не грецкий, а болгарский орех, – с улыбкой поправляет она меня, – мы так в Болгарии всегда его звали.

– А кто собирает орехи, если он растет за оградой?

– Могут все, но принято, что напротив чьего дома растет,

собирает первый, а потом предлагает другим, если останется.

– Неужели даже дедушка не помнит, как он здесь появился?

Ива опять улыбается, как улыбаться может только она... открыто и лукаво.

– А дедушка уже ничего не помнит. Он каждый день утром встает и спрашивает меня: «Кто вы девушка?» Я отвечаю: «Ива!» и мы каждый день знакомимся вновь.

Большие южные звезды мерцают в незнакомом небе, ночь вступает в свои права. Гаснут последние золотые искорки в очаге. Нам постелили наверху. В голове шумит. Подниматься тяжело. Рассохшаяся лестница натужно скрипит, отзывается на каждый шаг. И тут я замечаю в тусклом свете ночника подарки. На подушках лежат высушенные веточки лаванды и маленькие шоколадки. Густой сумрак ночи, открытые окна, звонкие цикады трещат свои бесконечные песни, холодный воздух с гор шевелит занавески на окнах и сквозь редкую ткань виден размытый диск луны.

Гости хороши, тем, что они не надолго, и мы покидаем славные окрестности Шумена, и близкие горы заросшие буковыми и грабовыми лесами и Търговище, и Царев Брод, и Мадару с Мадарским всадником. Река Поройна, как тонкий ручеек проглядывает внизу среди зарослей лещины и орешника. Она петляет, вьется, бежит за нами и пускает зайчики вслед. Маленькие деревушки с потресканны-

ми светлыми стенами и черепичными крышами, выскакивают неожиданно из-за поворотов. Мы послушно сбавляем скорость. Турецкие бабушки оставшиеся здесь еще наверно с Первой мировой уныло смотрят нам в след, толкая впереди себя тележки с каким-то добром. Белый бородатый козел, лежит на пригорке и сонно моргает красными альбиносными глазами, наверно сторожит вытянувших шеи гусей. А те недовольны нашим появлением, изгибаются, шипят. И опять свобода и скорость. Белые деревушки быстро исчезают в многочисленных складках местности. Только соколы медленно парят, в бездонном небе зорко оглядывают землю, ищут добычу.

Мы прощаемся в Варне. В саду, где много художников и сувенирных киосков с разнообразной китайско-болгарской всячиной на все случаи жизни. У тебя горят глаза от пестрого изобилия. Кто-то невидимый тоскливо играет на дудочке, звенят колокольчики, что мы задеваем головой и вкусно пахнет свежими сдобными булками от маленькой пекарни в переходе.

Милая Варна. Как я тебя люблю. Люблю поломанный старый асфальт, и русский храм Успения Пресвятой Богородицы. Это ты мне говорила, что он заложен в честь русской императрицы? Мы идем по площади Кирилла и Мефодия. Заходим в серебряную лавку. Тяжелое тусклое серебро струится по стенам. Я говорю: «Купим золото!», а ты отвечаешь: «Я люблю серебро». Это новость, но я скромно молчу.

Мы ничего не покупаем, а нам кланяются. Самый наивный и добрый народ Болгары. Мы проходим, Соборный бульвар и идем на улицу Доктор Пискулиев. Опять попадается серебряная лавочка. Теперь-то мы точно возьмем! И мы берем серебряную цепочку и небольшую червленую подвеску с буквой «Т». Будто ученик, из нашего детства глядя в прописи старательно вывел ее каллиграфическим с легким наклоном почерком. Хромированная трехногая буковка, маленьким жучком взбирается тебе на блузку. Ты рада, я равнодушен, но прячу это очень глубоко.

Остаются позади улицы с почти родными названиями: Парижской коммуны, Бабы Тонки и открывается главный рынок Варны. Чего тут только нет? Начиная, от свежей рыбы: скумбрии, камбалы, кефали, пелагиды лежащей на льду и кончая орехами, арбузами, яблоками, и болгарским перцем. А виноград и розовый, и белый, и черный, и длинный и круглый. Розовые корявые весом под килограмм помидоры, пугают своими размерами. Инжир, непонятно кто берет. Но персики меньше чем в Турции, и не так сочатся во рту, и нет красных подсушено-вяленых оливок как в Барселоне.

– Хорошо, что не поехали опять в Барселону. Сэкономим! – расчетливо говоришь ты украдкой поправляя покупку. Но я конечно этого ничего не замечаю. «А еще нет в Болгарии манго и ананасов» – проносится у меня в голове.

– Ты не хочешь манго и ананасов,... – говорю, зачем то я.

Мы берем горячую курицу в фольге, ломтики золотистого картофеля, обжаренные на фритюре и три бутылки красного вина. Тяжело? Ну, это разве тяжело. Вот еще у бабок вина в жбанчиках. Да я почти и не пил! Попробовал! А что глаза? Глаза выдают? Глаза, как глаза. А что ты вообще командуешь! Дай лучше ножку от курицы.

И вот мы в гостинице. Горячая курица. Помидорина, что не хватает лезвия ножа, свежее-молотый черный перец и красное вино.

– Много не пей. Нам еще купаться!

– Ты это кому? Да все ерунда!

Одетые в «шубу» бока нашей «Мимозы» плавают от жары. Качаются на качелях девочки в прохладном саду. Каблучками тормозят. Не желтый, а золотой песок сыпется у них из-под ног, засыпает платановую дорожку.

– Пойдем в сад?

Ты говоришь, что это не Россия, и мы идем купаться немного подшофе. «А причем здесь Россия?» – думаю я, и не нахожу разумного ответа.

«Уже вечер. Музыканты настраивают инструменты... и играют „Владимирский централ... ветер северный...“ Навстречу сгоревшие уставшие от солнца люди, а мы катимся под горку как колобки.... Вот он „Синбад Мореход“ и приставшая навечно к берегу яхта с живыми попугаями. Но нам не до фотографий на память. Нас ждет Черное море и золотой песок. А завтра, пойдем на белые камни в сторону Албе-

ны. Круглые белые величиной с хорошие туркменские дыни они навалены огромной грядой. Это не так далеко, но это будет завтра», — обманываю я себя, потому, что завтра мы улетаем

— А вон и яхта с красными парусами. А ты говорила Грин, ... сказки!!?... Смотри! Раздевайся и быстрее в море.

— Ой! Волны!

А как ты хотела?!... Сиди на берегу. Это тебе не Турция, не Мармарис с черным как будто грязным песком и озерным шепотом совсем без волн. И здесь лучше, чем в Римини или Пезаро хоть там и родился Джоаккино Россини. Помнишь, их мелководный пляж на полкилометра пути, что убьет любое желание окунуться в воду?

— Другой разговор. Держись за меня. Утонем так вместе.

Удары в живот. Прохлада и соль. От белых бурунчиков легкая водяная пыль. Мы плывем. Кровь вода и вино и остывает горячее тело. Волны качают нас, убаюкивают. Вниз. Вверх. Хорошо. Слепит низкое солнце. Путь обратный тяжел. Мы свалились, будто деревья. И сердце клокочет, и горячий песок подгребаем, и можно уснуть. Легкий сон йод, ракушки и белые чайки... Путин, Медведев, гармошка, играют в четыре руки. ... Россия трещит пополам, ... просыпаюсь, иду смыть песок и остатки страшного сна. Волны теплого моря обнимают меня, и я забываю несчастную страну, откуда я родом.

Мы возвращаемся, скрывается солнце. Последние крас-

ные отблески дарят нам окна Паломы и Арабелы. Как белый теплоход вдали возвышается и горит огнями Адмирал.

Дорога идет наверх. В маленьких придорожных рестораниках начинается кипучая жизнь. Чуть не обжигая ветви ольхи, в Амшоре вспыхивает неосторожное пламя в огромном круглом тандыре, а у соседей в Ривьере, два подростка с красными лицами крутят на деревянных ручках туши баранов. Древесные угли мерцают рубиновыми отблесками. С парнишек льется пот, который они постоянно смахивают рукавами. А в нижнем ресторане под горой, повар в белом огромном колпаке, который съехал набок, колдует над большими кастрюлями, протыкает содержимое узким штырем, на аптекарских весах взвешивает приправы и кидает их в полуготовые блюда.

Переодевшись, мы возвращаемся и заходим в Пармус. Полосатый полог закрыл небо, унылые столики почти пусты и зеркально блестят. Ты убираешь сумочку под стол. В ней аккуратно завернутыми лежат мелкие ракушки, две веточки лаванды и пара маленьких шоколадок которым судьба – побелеть от старости в нашем ящике письменного стола.

Мы поправляем мягкие заботливые подкладки на креслах и устраиваемся удобней. Но никто не хочет нас обслуживать. Вдруг в кафе вваливается огромная толпа немцев. Громкие бесконечно лающие звуки их речи приводят нас в оторопь. Они перебивают друг друга, и речь их звенит, кажется не в ушах, а в сознании. «Гитлер капут! Приеха-

ли!» Забегали, заюлили официанты в предвкушении большого куша, а мы грустно переглядываемся и уходим. Нас окликают, но поздно...

Мы проходим Ангел Стейк, где подают наверно самые большие стейки из когда-либо приготовленных на этом побережье. Не специально задерживаемся у бара Микки-Мауса. Просто из-за большой статуи мультипликационного героя на тротуаре пропускаем бесконечную вереницу людей. Бар специализируется на пиццах, гамбургерах и омлетах и туда лучше ходить в первой половине дня.

Нам дальше! Мы чуть не садимся в Экзотике, лучшем рыбном ресторане с большим количеством морских обитателей. Их готовят надо сказать весьма отменно. И наконец, чуть отойдя в сторону, попадаем на открытую круглую веранду грузинского ресторана «Пиросмани», стоящую на возвышенности. Крутая лестница в пять ступеней ведет вверх. Мы сидим как на деревянной танцплощадке, только легкий плетень из подобия камыша, частично загораживает нас от остального мира.

На небольшой сцене и на колоннах у входа висят небольшие репродукции Нико Пиросмани выполненные в сельском стиле и с простыми деревенскими сюжетами. Талантливый грузинский художник, как и положено истинно великим, большую часть времени прожил в полной нищете, ночевал в подвалах, а рисовал зачастую за неимением средств на клеенках снятых со столов. Предупредительные официан-

ты в белоснежных рубашках и черных узких брюках говорят по-русски почти безупречно, если не считать акцента. Они подлетели почти мгновенно, не успели мы приземлиться.

– Шалаплави будешь? – спрашиваю я, заглядывая в меню.

– А что это, – говоришь ты, хмуря брови.

– А Джонжоли? Или тебе лучше Каурму?

– А там ничего попроще нет?

Я советуюсь с официантом. Не молодой, но статный грузин предупредительно склонился, придерживая через руку полотенце. Мы заказываем тушеное мясо в красном соусе. Соус это уваренное помидорное пюре с толчеными грецкими орехами, чесноком, кинзой, укропом и кусочками баклажана.

– Только пряностей, в смысле красного перца, не переложите! – предупреждаю я.

Он улыбается и приносит два бокала белого холодного вина на подносе.

– Мы же еще не заказывали, – говорю я ему.

Он улыбается обезоруживающей белозубой улыбкой:

– Соотечественникам подарок!

– А как же ваш президент Саакашвили...?

– Мы все родились в одной стране,... пусть они дерутся...

Приносят мясо в чугунных черных сковородочках.

– Может, продолжим белое, – говорю я тебе, – закажем Эрети или Цинандали?

– Это не рыба – с мясом лучше красное.

– Тогда Саперави или Напареули?

– А Киндзмараули нет? – спрашиваешь ты, извлекая из памяти, единственное грузинское вино, которое ты знаешь.

– Есть. Но давай попробуем нового?

– Тогда второе, то, что на букву «Н».

– Напареули? Оно самое дорогое, у тебя нюх на хорошие вина и хороших мужчин.

– На счет первого пожалуй соглашусь,... а вот про второе... не знаю, – говоришь ты, лукаво улыбаясь, – надо подумать.

– Да точно! – говорю я. И нам приносят запотевшую бутылку.

Три джигита сидя по-турецки приветствуют нас с этикетки. Надпись по-русски гласит, что это «Тифлисский винный погреб».

– Слушай мясо попробуй! Обалдеть! – говоришь ты и прыскаешь смехом.

– Хочешь, я узнаю рецепт?

– Сиди. Рецепторщик. И вино, лучше, чем Киндзмараули.

– Это же марочное, – говорю я важно, и губа у меня едет вниз от удовольствия.

– Мы влезает в бюджет?

– Наверно. Я забыл кошелек, и мне все равно, – легко говорю я, улыбаясь одними глазами.

– Так опять!? Твои штучки!

– Что ж! Оставляю тебя в залог.

– Можешь не возвращаться, ... этот ужин будет за счет заведения ... и все будут довольны.

– Придется получше поискать в карманах, – притворно морща лоб, говорю я.

В ресторанчик пришла и села недалеко от нас молодая русская пара с бледными лицами. На голове девушки была большая светлая шляпа. Он был необычайно худ, с узкими плечами и в очках. До нас донесся разговор:

– Дорогой, неужели мы завтра будем купаться?

– Конечно. Если бы рейс не задержали, мы сделали это сегодня!

– Не верится!!! Я так счастлива! Ты не представляешь.

Молодой человек положил свою ладонь, на руку девушки, лежащую на столе, и ласково провел по ней, слегка касаясь:

– Потерпи еще самую малость...

Девушка посмотрела на него влюбленными глазами и улыбнулась.

Со стороны моря донесся низкий звук корабельного гудка. Очевидно, встречное судно ответило ему на полтона выше. Будто испугавшись этого, замолчала музыка в ресторане. Только стали доноситься из кухни перестук ножей и тихая грузинская речь.

– Не хочу домой, – вдруг совершенно серьезно и сухим изменившимся голосом говоришь ты.

– Давай еще посидим.

– Не хочу домой.

– В Россию?

– В Россию.

Мы молчим, и нам становится неуютно. Огни ресторана уже не так ярко горят, и вкус вина кажется приторным.

– Тут немножко осталось,... допьем? – говоришь ты скучным голосом.

– Конечно. Если это поможет.

Я разливаю остатки вина. Последняя капля падает на белую скатерть и, расплываясь, бледнеет.

Я оставляю по счету и на чай. Мелочь, что болтается в кармане, уже вряд ли пригодится. А соотечественникам будет приятно. Мы, молча, взявшись за руки, уходим из заведения и идем,... и идем, и все умирает в наших душах, посыпается пеплом.

Какой сегодня день? Он чем-то примечательный?

Что-то грустно сегодня. ... Грустно и печально, ...мы прощаемся с чудесной и неповторимой страной Болгарией.

20.04. 2013г.

Немного счастья когда шел дождь

Девушка в красной накидке. х.м. 40х50 Худ. Жадько Г. Г.

Тогда мне было 23 или 24 точно не помню. Я дружил с одной девушкой, не со своей будущей женой, с другой девушкой, и она нравилась мне. Она была хороша. Необыкновенно хороша, и что-то в ней было, что потом я искал, в других девушках. В других девушках и в своей жене. В то время мы дружили не так, как дружит молодежь сейчас. Наши отношения были чисты, непорочны, хотя иногда, не скрою, мы были на грани фола. Но мы всегда останавливались. Чего это нам стоило, наверно это можно понять.

Жил я тогда с сестрой в доме родителей на Северном поселке. Есть такое место на краю Новосибирска. Немного частных домов и много улиц, Игарская, Тайшетская, Тамбовская, Тагильская, Целинная, у края ближе к аэродрому Пятигорская и шесть электронных переулков. Из достопримечательностей у нас – был асфальтный завод, который засыпал всю округу асбестом, так что даже собранную малину порой приходилось обмывать от белого налета. Близ него были бараки, которые строили заключенные временно для себя, а потом стали жить гражданские, и постоянно. И была еще, окруженная глухим высоким забором больница для сифилитиков.

Мать наша к тому времени трагически умерла, отец получил квартиру и безуспешно налаживал отношения с другой женщиной, овдовевшей учительницей. Сестра летом работа-

ла пионервожатой в лагере «Дзержинец» на Бердском заливе, и я на все лето остался почти полным хозяином огромного дома.

Как-то в первых числах июля я со Светланой возвращался через весь город из кинотеатра «Победа». Остаток вечера и ночь мы решили провести в доме. Она позвонила маме и отпросилась ночевать «к подружке». Мама отпустила и «подружка» конечно тоже. Не помню, что было за кино. Вообще нам хотелось скорей оттуда смыться что мы и сделали. Транспорт в советские времена ходил скверно, но в тот раз нам повезло. Мы быстро дождались любимую «четверку» и чудесно устроились на заднем сиденье ЛИАЗа.

Автобус был полупустым и теплым. Наверно его нагрели пассажиры, которые вышли раньше. Напротив нас у окна сидела девушка в белом нарядном платье и с немножко бледным лицом. Я говорил без умолку. Не смотря на мою, в общем-то, довольно заурядную внешность, если не сказать более это у меня всегда получалось. Мне нравятся девушки, иногда и я нравлюсь им. Трудно сказать по прошествии стольких лет, о чем тогда шла беседа? Но нам было хорошо, и темный родительский дом терпеливо ждал нас, и в погребе томились прекрасные бутылочки болгарского вина «Тырново» купленные «На всякий случай!» и автобус неторопливо покачиваясь на поворотах, приближал нас к нашему маленькому празднику, и мы почти не замечали ничего вокруг. Теплая летняя ночь, запоздавший автобус, Света, которая изред-

ка одаривала меня нежными взглядами. Что еще нужно?

Постепенно, не сразу, и как то невзначай, я почувствовал, что нас стало трое я, Света, и эта незнакомая девушка в белом платье. Она, внимательно слушала нашу болтовню. Когда приходилось смеяться, отворачивалась к темному окну, но скрыть свой смех конечно не могла. Наконец она перестала отворачиваться и стала просто смеяться с нами. Мы с ней смеялись, шутили, говорили, как мило порой беседуют люди в поезде, когда знают, что расстанутся скоро раз и навсегда. и без всяких последствий. В глубине души, на самом ее днышке, мне почему-то было приятно ее внимание. Ведь две молодые девушки, когда тебе 23 это всегда лучше, чем одна.

Мелькали остановки. Наше расставание с незнакомкой затягивалось. Автобус увозил нас все дальше. Когда в очередной раз распахивались двери, я гадал: «Когда же она выйдет?», «Сухой лог» – нет. «Учительская» – нет. «Школа» – нет. Тогда уж точно «Юбилейная» – опять нет. Я исподволь присмотрелся к нашей спутнице, длинные каштановые волосы, легкими полуволнами обрамляли ее лицо, пышно и густо падали на плечи, а глаза!

Почему иногда красивые незнакомки так тревожат душу. Так мы ехали и ехали, и автобус скрипел на ухабах, и нам втроем было нескучно. Народу поубавилось. Вскоре мы остались почти одни. Далеко, у черта на куличках, расположен Северный поселок и наша остановка «Маяк». Странно, думал я, живу здесь столько лет, но ее прежде никогда

не видел. А такую девушку просто невозможно не заметить в нашей глухой окраине. Всех местных девчонок мы знали наперечет и все они нам порядком, надоели и были скучны и неинтересны. «Наверно к кому-то приехала в гости» – пронеслось в мыслях у меня. «Интересно к кому?»

Мы направились к выходу. Наша спутница последовала за нами. Автобус, обдав нас газами, направился дальше. Мы неторопливо перешли дорогу и свернули на первую улицу от магазина. Разговор наш тек плавно и естественно. Это было очень удивительно. Наша улица Целинная, это совсем немножко частных домов. Мы шли, мило болтали, смеялись и наконец, пришли. Дом наш был основательный кирпичный, покрытый цементно-песчаной шубой, как и многие дома вокруг. Четырехскатная вальмовая крыша, была покрыта толстым оцинкованным железом, которое местные жители извлекали, разбирая оцинкованные промышленные бачки. Раз в пять лет такую крышу приходилось красить олифой с серебрянкой, и тогда она блестела на солнце как рыба чешуя.

Я взявшись за скобу вбитую в столб, ловко взгромоздился на приступку, нагнулся и с обратной стороны отодвинул тяжелый кованый засов. Девушки стояли и ждали. Я спрыгнул назад и почему-то подумал, что эта незнакомая девушка, которую я даже не знаю, как звать, сейчас войдет в наш дом. Но так не бывает! В моей жизни такие милые симпатичные девушки в белых платьях никогда в жизни не прихо-

дили просто так, тем более, ночью, без приглашения.

«Скорее всего наша спутница проводила нас и сейчас пойдет на остановку. С минуты на минуту должен вернуться последний автобус». Эта мысль быстро пронеслась в моей голове, но я ничего не сказал, только открыл калитку и глупо улыбался. «Сейчас она уйдет! Нет, конечно, она не может не уйти!»

Они вошли вдвоем. Это не поддавалось логике. Правда незнакомка все-таки немного замедлила шаг и приотстала немного. Уличный фонарь желтым бледным светом зыбко освещал гравийную дорожку во дворе. Девушки остановились у входных дверей. Мне пришлось при ней достать ключ из-под крыльца. «Вот странно, она теперь знает, где мы прячем ключ от дома». Пронеслась молнией спонтанная мысль у меня в голове.

На кухне было уютно и тепло, металлически трещал на стене забытый репродуктор с поврежденным диффузором. Я быстро заткнул ему луженую глотку. У меня было не очень-то прибрано впрочем, для холостяцкого жилья, наверное, терпимо.

– Вот мы и дома, располагайтесь! – с нотками наигранного веселья и гостеприимства сказал я. Эта фраза была больше направлена в адрес нашей гостьи. Света здесь часто бывала и чувствовала себя у нас свободно.

– Чур, я у окна! – забила место Света.

– Телевизор включать не будем? – Поинтересовался

на всякий случай я.

– Конечно, не будем. Такого добра и дома много, – ответила Света

– У меня есть немножко вина и сыра как Вы смотрите на это? – обратился я к ним, почти не сомневаясь, что они не ответят отказом.

– О чем разговор! Все мечи на стол, и побольше, – засмеялась Света.

– Чуть-чуть можно- промолвила наша гостья.

Я, открыл тяжелую крышку в полу. Спрыгнул в погреб. За сеткой, где раньше держали куриц, было углубление, а в нем железный ящик из-под патронов. Я уверенно в темноте пошарил рукой. Достал пару заветных бутылочек «Тырново». Они приятно холодили ладони рук. Из серванта на стол выставил разнокалиберные фужеры на длинных ножках. Сыр, яблоки. Все, что было в моем холостяцком жилище. Ну, еще штопор. Положив этот нехитрый набор на стол, я вышел через сени на двор. Недалеко от крыльца стояли две бочки с водой. Я глянул в черное отражение. Оно колебалось. Поверхность черно маслянисто блестела. Плеснул в лицо теплой согретой за день водой. Хотелось прохлады, но она была как парное молоко и совсем не освежала. Я бросил это бесполезное занятие. Немного обтеревшись шторой на веранде, вернулся к девчонкам.

«Тырново»! Мое любимое «Тырново». И на закуску небрежно крупно нарезанный сыр, яблоки. Я наливал вино

не «жадясь», и нам скоро стало хорошо. Прелестные милые девушки сидели рядом, как сестры и если пару минут и была небольшая неловкость, то она растворилась без остатка. Наша незнакомка при ярком свете кухни и в тени от зеленого абажура, казалась мне загадочной. Она была моложе Светы, совсем девчонка. Хрупкая, нежная и немного бледная, как только увидевший свет стебелек. Грудь у нее была небольшая, руки тонкие казалось слегка прозрачные. Она почти не пила, но никогда не отказывалась, поддержать тост. Глаза ее даже когда она смеялась, казались, существовали отдельно и были необыкновенно грустны и печальны. Тонкие пальцы нервно сжимали фужер с вином, и создавалось впечатление, что она была одновременно с нами и как бы где-то совсем далеко в своем неведомом мире.

Света заметила мой долгий откровенный взгляд, обращенный на нашу гостью, и украдкой из-под стола, показала мне увесистый кулак. Я смущенно улыбнулся и пожал плечами.

Наша незнакомка казалась мне существом открытым и готовой на поступок. Ее странности не пугали меня, а напротив интриговали, и как-то заводили, если вообще уместно это слово здесь. Наше общество окружено такой кучей табу и условностей, что человек особенно в большом городе зачастую оказывается один. Такая политика невмешательства. Ты меня не трогаешь, я тебя не трогаю. Мне плохо – я не показываю виду. Тебе плохо – ты молчи. Не люди – автоматы,

с приклеенными вежливо-равнодушными масками, на том месте, где должны быть лица. В деревне пройди по улице, обязательно кто-то что-то спросит, или улыбнется, или поздоровается. Конечно, может тебя, и пошлют куда подальше, но и помогут, если необходимо, посочувствуют. Начни в городе здороваться со всеми подряд, как в деревне, примут за сумасшедшего. Мне всегда казалось, что чем меньше поселение, тем лучше люди в нем проживающие и чище и сердечней их взаимоотношения. Небольшие захолустные городки лучше, чем большие.

Маленькие деревушки лучше райцентров, а что уж говорить про Москву, которая сама себя съедает. Сохранить открытость простоту, может даже детскую непосредственность это большое счастье, о котором сам человек порой и не догадывается.

Мы мило беседовали, но незримая тайна, как дамоклов меч висела над нами и ждала своего разрешения.

Вот и кончилось вино, и уже часы в коридоре показывали около двух ночи и мое красноречие начало давать сбой и небольшие паузы начали повисать над нашим столом. Во время одной из них, особенно долгой, наша незнакомка вдруг подошла к окну. Взглянула в непроницаемо черное стекло (после часа ночи фонари на улице выключали) и, помедлив как бы в раздумье, сказала одно слово:

– Пора.

Это слово упало как камень в воду. И все замолчали.

А у меня в голове запрыгали маленькие насмешливые молоточки «Пора пора пора.», и их веселый перестук был похож на карканье злобных ворон. Настроение у меня сразу упало. Было такое ощущение, как будто кончился Новый год, отгремели тосты и салюты, все уже хорошо выпили и поели, а счастья нет. Так бывает, люди пьют, поздравляют друг друга с Новым годом, новым Счастьем и отчетливо понимают, что никакого счастья не будет, просто еще один год ушел в тартары, сгинул бесследно в пучине времени. Когда гости уйдут они сольют недопитое вино обратно в бутылки. На следующий день доедят салаты. Через пару недель вынесут елку и воткнут ее в сугроб у подъезда. И начнутся вновь серые бесконечные будни, когда дни, ночи, недели сливаются в одну безрадостную полосу и порой за месяц, два, оглянувшись назад нечего вспомнить. Но как хочется иногда верить и ждать чуда хотя бы в новогоднюю ночь. Верить самому и убеждать в этом других.

– Как от вас добираться? – промолвила она, после долгой паузы, и голос у нее сразу стал скучным и невыразительным.

– Автобусы уже не ходят, – ответил я.

– Да! Я догадалась уже.

– Наш район и таксисты не любят. Можно попытаться на частнике, если повезет.

– Мне идти одной? – сказала она тихо, почти шепотом, и при этом посмотрела на Свету.

– Могу проводить, то есть, конечно, – вдруг затараторил

я как пулемет, – и даже не стоит об этом говорить. Света, я быстро, жди меня.– Что я так подскочил? Сам не знаю.

– Быстро? – слегка усомнилась Света. Она уютно сидела в кресле, поджав под себя ноги, и кусала ногти. Пожалуй, первый раз она внимательно и долго посмотрела на нашу гостью. Та опять виновато улыбнулась, но ничего не сказала, только опустила глаза в пол.

Мы вышли в ночь вдвоем.

Света в последний момент в коридоре, крепко до боли сжала мое запястье.

– За-крой-ся! – решительно и твердо по слогам прошептал я.

Это был язык жестов. Каждый сказал что хотел.

На улице было совсем темно. Сильно посвежело. Приходилось двигаться почти на ощупь. Мне это удавалось. Моя спутница чувствовала себя неуверенно, и мне пришлось взять ее за руку.

– Зачем, мне все видно, – немного упрямо соврала она, пытаюсь освободиться.

– Только кошки видят в темноте

– Они и я.

– У тебя глаза как у кошки!?

– Может быть

– Кошки они ласковые.

– Я кошка, которая ходит сама по себе! – сказала она немного отчужденно.

Я отпустил ее руку, но так луны не было, мы постоянно наткались друг на друга. И я чувствовал, как она каждый раз вздрагивает, и каждый раз мне было необыкновенно приятно касаться ее, и ощущать тепло ее тела, и легкий дурманящий запах духов и еще чего-то женского, девичьего необъяснимого, но непреодолимо волнительного.

Кто она? Как ее зовут? Что это было? – Такие вопросы иногда всплывали в моей голове и даже легкий хмель от «Тырново» не мог снять их совсем, а только чуть сглаживал острые углы, размывал очертания.

Мы вышли на остановку. Тут было светлей. От магазина струился свет голубых неоновых ламп, и одна из них противно мигала.

– Ждать бесполезно, – сказал я уверенно, – Можно пешком по дороге как ехали сюда, или, через школу, дамбу это ближе

– Вам совсем не хочется меня провожать, – вдруг перешла она на» Вы»

Я промолчал.

Она подошла ко мне ближе взглянула внимательно в лицо и немного упрямо добавила

– Это совсем не обязательно.

Мы еще раз оглянулись, на пустую дорогу, и тронулись в путь. Тут я уже шел не так уверенно. Девушка порой налетала меня, и я чувствовал ее упругую грудь у себя на спине, и легкий озноб пробежал у меня под лопатками. Хмель

еще немного кружил голову. Я ни о чем не мог думать, как только о том, когда она вновь коснется меня. Это как будто была наша маленькая игра. Может, это мне все казалось. Я уже не так спешил и специально порой задерживал шаг, ждал, и она не обманывала меня, она легко и испуганно до-трагивалась до меня вновь, и вновь, и мне опять это было необыкновенно радостно и приятно. Иногда когда мы касались немножко дольше обычного, с ее губ слетало чуть слышное: «Простите». Мы начали спускаться вниз, повеяло сыростью, болотными запахами. Ее «Простите», звучало иногда так тихо, а отстранялась она так медленно, что я думал, что могу постоять так чуть дольше, и она будет упираться в меня своей маленькой грудью, и я буду чувствовать ее всю, сквозь тонкую рубашку. Мне хотелось так постоять и ощущать ее тело. Но когда мы подходили к мосту, вдруг что-то неуловимо изменилось. Я это понял без слов. Возникло тревожное чувство. Наконец она сказала:

– Господи! Что это, чем пахнет?

– Это болото, так пахнет всегда. Раньше было озеро. А потом берега заросли рогозом, камышом. Рыба пропала, остались одни лягушки.

– Почему Вы мне не сказали о болоте. Мы можем пойти скорей? – Проговорила она с нотками беспокойства и тревоги в голосе.

– Конечно, давай попробуем, а что случилось? – Недоумевал я.

– Давайте быстрее, еще быстрее прошу вас

– Да-да! – бормотал я, теряясь в догадках, и скоро мы почти бежали, взявшись за руки. Гулкие доски деревянного моста громко разносили топот наших ног. Хмель сразу выветрился из моей головы.

– Умоляю быстрее! – просила она со сбивчивым дыханием. – Дорога пошла вверх, и девушка стала слабеть. Мы уже не могли бежать. Перешли на быстрый шаг.

– Быстрее, быстрее, – шептала она, но ноги ее не слушались, появились какие-то хрипы в голосе.

– Что с тобой? Тебе, правда, плохо?

– Быстрее, – шептала она как заведенная, а вскоре остановилась и села на землю. У меня с собой были спички. Я зажег сразу несколько штук. Осветил ее лицо и невольно отшатнулся. Все оно было распухшим., надбровные дуги стали водянистыми, глаза заплыли, и под ними образовались мешки.

– Что с тобой? Скажи, что с тобой, тряс я ее за плечи – Разобрать, что она отвечает мне, не удалось.

Как тащил я ее, и сколько это продолжалось, трудно сказать. Иногда она мне помогала, шла ногами, но большую часть пути я тащил ее волоком и на спине. Это был очень тяжелый марафон в моей жизни, но я старался, падал, спотыкался и поднимался вновь. Проклятая гора съедала мои силы, и казалось, я не выдержу. С огромным трудом мне удалось добраться до шоссе, где начиналась улица Объедине-

ния. У дороги я свалился как подрубленный, пот лился с меня ручьем, и мы лежали грязные, беспомощные.

Вдали неожиданно показались огни. Это был лучик надежды. Мы лежали на асфальте. «Москвич» быстро приближался. Увидев нас, замедлил ход. Я призывно замахал рукой. Но водитель не остановился, он, ловко сделав зигзаг, объехал нас, и, нажав на газ, скрылся. Когда он уехал, мне показалось, наступила жуткая страшная тишина. Я испугался, нагнулся к ней, но девушка дышала. Я опять взвалил ее на себя, и, покачиваясь, побрел к брусчатым двухэтажным домам, благо до них оставалось идти не так много. С трудом добрался до первого окна, опустил свою тяжелую ношу на землю и в изнеможении постучал, потом постучал в другое окно, потом в третье, четвертое. Не знаю, сколько прошло времени, пока открылась одна из форточек, и грубый мужской голос проворчал что-то нелицеприятное в мой адрес.

– Помогите. Она умирает, – попросил я и не узнал собственного голоса, такой он был противный и жалобный.

Спустя какое-то время, вышли две женщины в ночных рубашках и легких накидках на плечах. У одной я заметил в руках длинную деревянную скалку, которой обычно катают пельмени в больших семьях. Они подошли, и некоторое время стояли, молча, глядя на лежащую девушку.

– Она жива? – спросила одна.

– Что с ней? – спросила другая.

– Я не знаю, – с трудом выдавил я в ответ.

– Как это ты не знаешь, – спросила первая и нагнулась к ней ближе, стараясь послушать ухом. Вторая со скалкой стала заходить мне за спину. Деревянную колотушку она положила себе на плечо.

– Вызовите скорую! – попросил я, стараясь держаться уверенней.

– Вызовем, вызовем, – проговорила с нотками угрозы, та, что стояла у меня за спиной, – ну что живая? – Обратилась она к нагнувшейся женщине.

– Да! Надо идти к Митрофанычу, у него телефон.

– Ну, иди, буди, я за этим пригляжу.

Спустя минут пять, во дворе собрались человек 6—7 полусонных наспех одетых людей. Все спрашивали «Что с ней!?» и не получив ответа ждали когда приедет «скорая». Минут через 20 приехал УАЗик, «Санитарка» с красным крестом на крыше. Девушку переложили на носилки и затолкнули в машину через открытые задние двери.

Женщина, в белом халате, стала задавать мне вопросы, но, ни что случилось, ни имени девушки, ни фамилии ее, я не мог ей сказать. Сказал только свою. Люди, собравшиеся в этот неурочный час, начали возмущаться и обступили нас со всех сторон.

– От него разит!

– Что он с ней сделал!

– Эта молодежь, без тормозов! – Раздавались угрожающие крики со всех сторон.

Обстановка накалялась. Женщина-врач, сказала коротко: «Разберемся!» и предложила поехать с ними. Мне ничего не оставалось, как согласиться. Меня посадили вместе с водителем на переднем сиденье, а врач что-то хлопотала в салоне. Я не оборачивался. Я боялся обернуться, смотрел неотрывно на дорогу, убегающую под колеса, в голове у меня роились разные мысли. Все случившееся казалось кошмарным сном. Мы проехали по лесной дороге, свернули на «Александра Невского» и приехали в ведомственную 25 медсанчасть от завода «Химаппарат». В больнице меня оставили одного в приемном покое и скоро забыли. Или от холода, или от переживаний этой ночи, меня начал бить озноб. Зуб на зуб не попадал. Я обнимал себя за плечи, нервно ходил из угла в угол и даже приседал, что бы согреться. Наконец я узнал, что у девушки кризис миновал, и что это было последствие аллергической реакции организма на пыльцу, запахи от болотных растений, и она могла задохнуться. Еще врач назвала ее по имени – Маша. А меня потрепала по голове и шутливо назвала спасителем.

Неужели кончилась эта нескончаемая и тревожная ночь. Стало легче на душе. Автобусы еще не ходили, и я отправился домой пешком через сосновый бор по беговым дорожкам спорткомплекса «Север». Обратный путь занял чуть больше часа. Когда я подошел к дому, первые лучи солнца осветили трубу асфальтного завода, но на земле еще лежал легкий сумрак ночи.

Стучаться долго не пришлось. Света открыла и встала в проеме двери. Она ждала, что я скажу. А я не желал ничего объяснять, и просто не было сил. Мне тупо хотелось, как можно скорей добраться до подушки, и я это сделал.

– Все понятно! – бросила она фразу, которая не предвещала ничего хорошего, и засобиравлась.

– Ничего тебе не понятно, она в больнице, у ней аллергия.

– Это не умно, вы долго думали

Я так и знал, что из этого разговора ничего путного получиться не могло. Я оставил свою девушку, пошел провожать другую, меня не было всю ночь, что тут добавить. Чем больше будет оправданий, тем меньше веры. Надо хорошо выспаться, тогда может быть, найдутся нужные слова. Я лег в постель, она была теплая согретая и пахла польской «Шанелью №5»

Дверь громко хлопнула, и не было сил закрыться и голова моя начала проваливаться в небытие. Я засыпал с улыбкой, вспоминал грустные глаза Маши, хрупкую угловатость девушки, белое платье и маленькую прекрасную грудь. Ее тихое: «Простите», «Простите». Почему я не обернулся там, наверху, и не сжал ее ладони в своих руках. А ведь я мог это сделать. Я точно мог это сделать, я чувствовал это. И мы постояли бы у школы и не пошли бы в это проклятое болото. Я даже не стал бы ее целовать, только бы она доверчиво прижалась ко мне. А она бы прижалась ко мне, и я бы чувствовал ее маленькие теплые комочки у себя под сердцем. Так можно

простоять всю ночь. А может, когда-нибудь я увижу их без одежды наяву, стоя на коленях или в постели. Как хорошо представить порой девушку без одежды, и тем более девушку которую ты наверное немножечко спас и почувствовать себя слегка героем и рыцарем. Мягкое одеяло сна забирало меня, тепло укутывало со всех сторон. Как хорошо, что все кончилось. Вот я уже засыпаю. Вот уже почти окончательно сплю и мне очень хорошо. И мир такой голубой и розовый и люди вокруг прекрасные и добрые.

Когда я совсем уснул, мне снился теплый необитаемый остров с белым горячим песком. Коралловые рифы как распахнутые руки выдавались далеко в море, полукружьями очерчивая мелководье с диковинными рыбками. По этому мелководью бродила девушка в белом платье. Она поддерживала края платья руками и плескала ногами в проплывающих рыбок. Рыбки, тем не менее, не боялись ее и приносили ей во рту крупные жемчужины. Она подставляла ладони, они складывали их туда. Когда набиралось с горкой, она весело сыпала их на голову, плечи и при этом кружилась. Жемчужины веером рассыпались вокруг.

Следующий день и вся неделя, оказались для меня не лучшими. Света клала трубку телефона, как только слышала мой голос и тут еще испортилась погода, небо затянули тучи. В такую серую мрачную субботу, ближе к вечеру, я услышал, как кто-то аккуратно щелкает ручкой калитки. «Кто там такой нерешительный, ведь все открыто?» пронеслось у ме-

ня в голове. Я вышел, помог открыть. Это была моя спасенная. Глаза ее смотрели широко и открыто, а реснички часто вздрагивали. Собранные на затылке волосы открывали маленькие ушки с крохотными золотыми сережками. Все признаки болезни у ней прошли, и выглядела она чудесно.

– Проходи! – сказал я, будто только и ждал ее. Я действительно обрадовался ее приходу. Маша отрицательно помотала головой.

– Будешь стоять здесь?

Она утвердительно и смешно кивнула.

Одета она была в тщательно наглаженное клетчатое серо-коричневое платье из грубой ткани, на воротнике и манжетах, оно было обрамлено белыми вставками. На ногах белые босоножки, а в руках светлая сумочка. Я почему-то вспомнил выпускной и наших девчонок с класса. Они были такие же нарядные и смешные. Мы стояли молча, я растерялся, не знал что сказать. Наконец молчание нарушила она:

– А где ваша девушка ее нет?

– Ее нет.

– Я хотела бы с ней поговорить.

– Я тоже.

– Может, я подожду ее у вашего дома.

– Это наверно напрасно.

– Не знаю у меня есть время- проговорила она с нотками упрямства, не отводя глаз.

– Ты не пройдешь?

– Не беспокойтесь. Здесь есть скамейка, – улыбнулась она.

– Почему ты не хочешь пройти в дом?

– Я не хочу об этом говорить.– Реснички ее быстро вздрогнули.

– И все же?

– Разве это надо объяснять.

– Не знаю, так будет лучше.

– Если придет ваша девушка, то лучше встретить ее здесь, чем в доме, – она смотрела, открыто и решительно.

– Да, но она не придет, мы неделю не разговариваем.

– Я все равно подожду на улице и уйду, вы идите не беспокойтесь, – Маша так умоляюще посмотрела на меня и так захлопала ресницами, что я не удержался, улыбнулся в ответ и молча глупо кивнул.

– Хорошо.

Что в этом было хорошего? Я ушел, но на душе скребли кошки. Постоял во дворе, что-то вспомнил, потом снова забыл что хотел, сделал пару кругов по огороду. Желание вернуться к ней казалось, было непреодолимым, но я этого не сделал. «Да! Она мне нравится? Зачем я ушел? А Света? Все равно не порядочно с моей стороны ее одну там оставлять. А теперь поздно возвращаться. Что я скажу. Пожалуй, точно не нужно было уходить, я бы непременно остался. Непременно. Она такая милая, только чуть странная и наивная, но она человек не игрушка. Человек не может безнаказанно приближать к себе другого человека. Он ответстве-

нен за все и за злое и доброе, что он сделал другому. Если не хочешь сделать зло человеку потом, лучше не делай добро в начале. Эта фраза засела у меня в голове. „Если не хочешь сделать зло человеку потом, лучше иногда не делать добро в начале“. Нет наверно правильно, что я не остался». – Пытался успокаивать я себя, но места себе не находил.

В воздухе пахло близким дождем. Холодные комнаты были не уютны. Лучшее что можно было придумать это затопить печь, но в такую погоду это всегда проблема.. Я сходил за дровами. Толстым ножом привычно и ловко нащипал лучины. Огонь не хотел разгораться. Дым упорно шел в кухню, а не в трубу. Так бывает, когда в печных колодцах образуется пробка из сырого влажного воздуха. Комната наполнилась едким дымом. Меня пробил кашель, глаза слезились. Я открыл маленькую чугунную дверцу рядом с трубой и бросил прямо в колодец зажженную вчерашнюю газету. Воздушную пробку прорвало, и огонь весело заскакал по тонким сосновым полешкам. «Наконец-то!» – Облегченно вздохнул я и глянул в окно. На улице уже шел дождь. Крупные капли падали на листья малины и они тряслись как сумасшедшие. Ветки ранетки качало. Стало заметно темней.

Я долго смотрел в окно, дождь то усиливался, то стихал, что бы спустя минуту начать все с новой силой. Железо на крыше периодически гремело, будто на него горстями сыпали мелкую дробь. На мгновение яркая вспышка осветила местность за окном ярким фосфорическим светом. Над го-

ловой протяжно грохнуло, дом содрогнулся, и казалось, присел, жалобно зазвенели стаканы в серванте.

Люблю дождь весной, летом и больше всего, когда он сопровождается грозой. Мне нравится, когда небо лопается от громовых раскатов и перечерчивается вдоль и поперек огненными сполохами. Я открыл настежь дверь, убрал занавеску и стал смотреть на струи воды, которые падали с неба. Они заливали грядки, тонкой пылью отбивались от досок крыльца, холодили руки, одежду. Гроза в своем доме это совсем не то, что в городской квартире.

«Успела уехать моя спасенная до дождя, наверно едет сейчас в теплом автобусе?» – Подумал я и машинально прошел в зал, уперся носом в стекло, что бы боковым зрением захватить скамейку, но было уже слишком темно, что бы что-нибудь разглядеть. Вдруг яркий разряд молнии вспышкой озарил округу, и... О черт! Я увидел на скамейке одинокую маленькую фигурку девушки. Маша сидела сжавшаяся в комочек без зонта совсем промокшая с распушенными по плечам волосами. На коленях у ней была светлая сумочка и наверно от холода, она почти касалась ее подбородком. Эта картинка на мгновение высветилась и пропала. Жалость и недоумение вспыхнули у меня в душе. Я, не мешкая, набросив штормовку, почти бегом отправился за ней. Завел ее в дом безропотную тихую и безмолвную. Посадил на маленькую табуретку, у печи она не сопротивлялась. Мы молчали. Наша кошка покинула свое насиженное место и удивленно нюхала наши

мокрые следы на полу.

Скоро молчание начало тяготить меня. Это было неприятно, но в голову совсем ничего не приходило. Совсем ничего кроме жалости. Я не мог забыть вспышки молнии и ее сжавшуюся в комочек без зонта совсем промокшую с распущенными по плечам волосами. Она мне нравилась, но я гнал эти мысли. Бесконечные сравнения со Светой. Нужность или ненужность этого нового поворота в моей жизни немного тревожили меня. А если бы я не увидел и не вышел

Мне казалось, что у ней есть внутри какая-то необъяснимая свобода, отсутствие предрассудков. Ее нелогичные поступки при всей их абсурдности имели какой-то неизвестный мне стержень, какую-то скрытую правду, о которой знала только она. Я видел только вершину айсберга, одну десятую часть, а все остальное было скрыто от меня, но, тем не менее, ее поступки подчинялись именно этой подводной части.

– Как зовут вашу кошку? – промолвила она, наконец, после долгого молчания.

– Муся.

– Муся, Муся- Маша ласково погладила ее по спинке, потрепала за ушком, хотела посадить к себе, но Мусе наверно не очень нравилась ее холодная мокрая одежда и она вырывалась. Под табуреткой начала образовываться маленькая лужица.

– Она не сразу привыкает к чужим – сказал я.

– Муся ну куда же ты, – ласково пыталась она образумить вырывающуюся кошку.

– Вообще-то она у нас ласковая

– Ваша Муся меня не любит. А я очень люблю кошечек. Мама не хочет, что бы у нас дома были животные.

– Их часто бросают, когда они надоедают

– Я бы не бросила.

– Никогда

– Думаю да!

– Все, наверное, так думают когда берут. А сколько их бездомных потом.

Я говорил о кошке, а думал о Маше. Ливень не испортил ее внешности. Милые девочки они прекрасны своей свежестью. Это тот период, когда косметика не нужна. Все естественно и от природы. Молодость – ни морщин, ни печати усталости на лице, а лицо прекрасно и свежо слабым слегка проступающим румянцем. Никогда еще мне не доводилось так близко и наедине общаться с таким нежным созданием. И подумать только, много лет она росла, училась, была хорошей девочкой паинькой, которой гордились учителя и родители! Может быть, ей просто надоело быть такой умной и послушной. Как далеко и отнюдь не целомудренно иногда витают мысли мужчин, когда они смотрят на таких девочек. Но что думать о пустом и несбыточном.

Шум дождя по железной крыше то усиливался, то ослабевал, порывы ветра доносили на кухню запахи озона и све-

жести.

– Ты наверно сильно замерзла?

– Да так.

– Почему не ушла, когда начался дождь?

– Я не думала, что он будет такой сильный.

– Ты хочешь заболеть?

– Я крепкая, я очень крепкая, и почти никогда не болею.

– У меня есть старая куртка, овечья шерсть, принести?

– Это уже не поможет, я если честно насквозь мокрая.

– Совсем?

– Совсем, совсем, – она сделала попытку улыбнуться и улыбка у нее получилась очень виноватой.

– Ну, вот что, – сказал я довольно решительно и нагнувшись к ее лицу, стараясь взглянуть в глаза, – я тебя оставлю, здесь закрывайся, раздевайся и сушишь. – Ресницы девушки захлопали, она неуверенно посмотрела на меня снизу вверх. «Да-да!» добавил я еще решительней, легонько приподнял ее за плечи и подвел к двери. «Закрывайся вот так, шваброй за ручку, протолкнешь, и ничего не бойся. Договорились!?» Лицо ее посветлело. Она, молча, кивнула в ответ и посмотрела на меня с благодарностью.

Когда я уходил то оглянулся. Она смотрела в мою сторону с каким-то странным выражением, сквозь меня и будто я это совсем не я.

Я вернулся на веранду. Дождь не стихал, даже усилился. Я сел откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Когда идет

дождь хорошо думается. Но гроза не занимала мои мысли. Я вдруг живо представил, что происходит на кухне. «Маша закрывает дверь. Руки ее неторопливо скользят за голову. Пуговицы на спине непослушны. Наконец платье расстегивается. Взявшись за подол, она чулком наизнанку снимает его. Тело ее при этом изгибается. Мокрое и тяжелое платье вешает на спинку стула. Придвигает стул к горячей печке. Доходит очередь до лифчика. Он тоже мокрый. Руки привычно за спину. Какого он цвета наверно он белый или нет – голубой. Хорошо бы взглянуть на все это хоть одним глазком!

Стоп! Там же есть окно!

Эта мысль пробила меня как током, я вскочил и снова сел. Черт побери! Вообще – то это все не очень. Но я ведь все равно не высижу здесь.

Нет! Этого не стоит делать! Конечно, не стоит, не стоит но так хочется, что просто нет сил. и я виновато прикусив губу, направился к северной стороне дома, к кухонному окну. Чуть не упал на скользкой тропинке. «Вот и Бог не хочет, что бы я подсматривал» – мелькнула не прошенная мысль.

Занавески закрывали только нижние две трети окна. Встав на высокий приступок фундамента, я вытянулся и ухватился за ставню. Ставня предательски жалобно скрипнула удержанная слабым крючком. Выждав несколько секунд, я с замирающим сердцем вытянул вверх голову поверх занавески. Картина, которая открылась мне, просто захватила меня целиком. Сразу ощутил жаркую волну, сердце за-

билось в учащенном ритме, готовое выпрыгнуть из груди. Моя ночная гостя действительно разделась и сейчас стояла у печки, в чем мать родила. Она сушила волосы, сбивая их легкими движениями. Я видел ее только со спины. Лопатки ее двигались, волосы струились по плечам, спине, немного не достигая розовых аккуратных половинок начала ног. Дыхание мое остановилось, я боялся вздохнуть или шелохнуться. Маша часто встряхивала головой, и подносила пряди волос ближе к печи. Выхватывала новые прядки и вновь сушила у теплой плиты. «Когда же она обернется, когда же. когда!» Настоячиво желал я! Какая стройная и нежная она сзади, а что будет, когда она обернется. Наконец Маша прекратила свои занятия, встряхнула последний раз головой, разбросав волосы по плечам, и сделала несколько шагов к двери кухни. Она ступала свободно и просто, как будто на нашей кухне ей было ходить раздетой совсем привычно. Приблизившись к двери, Маша приложила ухо к ней и прислушалась. Это было очень забавно и смешно, я видел ее всю голенькую как на ладони, а она слушала меня там через дверь. И, наконец, она повернулась и пошла обратно!

О боже!

Как она была хороша. Черт побери! Зачем девчонки носят все свои платья и другие штучки, если они так прекрасны без них. Если бы они знали, как пацаны хотят увидеть их без всего. Вот эти милые грудки, качающиеся в такт шагов, с розовыми упрямыми сосками, и стройный втянутый жи-

вот, с таким ласковым смешным пупком и самое главное, что есть у девушки, прикрытое легким темным треугольником волос. Это класс! Это нечто необыкновенное и сногосшибающее, это то, что всегда недоступно и пленительно. У меня даже закружилась голова, и перехватило дыхание от увиденного. Но Маша даже не подозревала о моих шалостях.

Наконец, я почувствовал, что совсем промок. Хотя карниз и защищал меня от прямых струй дождя, все же порывы ветра иногда приносили изрядные порции влаги. В туфлях у меня уже было полно воды, но я, ни за что не хотел бросать своего занятия, только старался придвинуться ближе к стене дома, где меньше доставалось. «Походи еще немножко!» просил я ее мысленно. «Никогда еще голые девушки не ходили у нас так запросто. Походи и я посмотрю на тебя, я только посмотрю еще раз, еще немножко!» «Ты же такая красивая, такая восхитительно нежная открытая и свободная, что тебе стоит порадовать меня еще раз. Ну, один разочек! Самый маленький разочек! И все!

Но как, не жаль было моя ночная фея не вняла моим молитвам, и решила одеваться. Видимо ей тоже не очень хотелось этого делать. Маша трогала одежду, хмурилась и тяжело вздыхала. Наконец она сняла со спинки стула розовые плапочки, нагнулась и поочередно вступила в них. Протянув их по стройным ножкам, высоко и плотно натянула на живот, последний раз дав мне мимолетно насладиться маленьким треугольничком между ног. Розовый бюстгальтер, оче-

видно, не высох и она, приложив влажную материю к груди, сморщилась смешно, и немного подумав, свернула и сунула его в сумочку, а шерстяное платье еще не совсем просохшее с трудом через голову одела на голое тело.

Мне пришлось поспешно ретироваться. Когда она появилась в сенях, я уже сидел мокрый на стуле, у открытой двери, и с меня лилось не меньше чем с нее, когда она уходила.

– Спасибо за печку. Так тепло и здорово! – Сказала она с добрыми нотками в голосе, когда я услышал ее шаги у себя за спиной.

– Я рад Маша! И так конечно будет лучше.

– Правда, здорово, я вам так благодарна. Вы очень добрый и хороший.

«А какая ты хорошая – и не представляешь, у меня до сих пор руки дрожат!» – Подумал я, стараясь быть спокойным, и пытаюсь ни как не выдать своего душевного волнения. Я глядел на нее, и только что увиденное, яркими образами всплывало у меня в сознании. Я видел ее вновь без этого сурового клетчатого платья. А она наивно хлопала ресницами и мило улыбалась.

– Хотела спросить. Видела у вас гитару. Вы играете?

– Немножко.

– Может, когда-нибудь, я услышу вас.

– Моя игра тебе быстро надоест, и ты непременно попросишь спеть

Она улыбнулась, как будто своим мыслям

– Наверно так и будет. А что тут плохого

– Пою я просто скверно.

– Совсем!

– Увы! Без сомнений, а в гитаре не важно как ты играешь, главное как ты поешь

– Не задумывалась.

– Это правда. Ты знаешь, сколько заблуждений окружают нас – это была ключевая фраза. Спусковой крючок. Я чувствовал, что меня понесло. Если девушка нравилась мне, меня несло и чем сильнее – тем больше, и я продолжил – Это и в живописи и литературе так. Люди думают, если человек хорошо умеет рисовать, то он уже художник.

– Вы так не считаете?

– Нет. Человек, который может точно нарисовать, еще совсем не художник, он просто хорошо владеет карандашом. Он ремесленник, а не творец и возможно им никогда не станет. Так можно любого учителя русского языка назвать писателем. Да! Он очень грамотно пишет, правильно излагает на бумаге свои мысли, может даже прекрасно разбирается в литературе и учит учеников, как писать сочинения, но все же до писателя ему далеко. До хорошего, я имею в виду.

– Пожалуй, на счет учителя я соглашусь с вами. А у вас на гитаре шесть струн или двенадцать.

– Шесть, одинарный набор.

– Жаль, конечно.

Мне осталось непонятным, что ей было, жаль или то, что струн только шесть, или, что у меня голоса нет. Я не успел ей ответить, как Маша неожиданно перевела разговор:

– А что с вами, Вы тоже с ног до головы? – удивилась она, увидев мою насквозь промокшую одежду.

– Я люблю ходить в дождь, – пробормотал я, не задумываясь, первое, что пришло на ум.

– Вы не боитесь грозы?

– Я люблю её. Гроза в июле это же прекрасно.

– Это все равно холодно, неудобно.

– Первую минуту, а потом здорово, только нельзя стоять.

– Бр-р-р.

– Надо двигаться.

– И вы так ходили по дождю?

– Ходил. А как дети бегают по лужам и получают удовольствие. Это как настроиться. Вспоминаются ощущения чего-то давно забытого и утраченного. Такой заряд энергии, бодрости нового и свежего.

– Вы так вкусно рассказываете

– Потому что это правда, – соврал я.

– В этом наверно, что-то есть.

– Конечно, не сомневаясь.

– Может и мне попробовать, возьмете меня.

– Наверное

– У вас сомнения на счет меня?

– Ни чуть. В следующий раз обязательно

– В следующий?

– Ну конечно.

– Почему в следующий

– В следующий раз непременно.

– А зачем ждать? – сказала она, и глаза ее озорно заблестели.

– Ты серьезно?

– Конечно! Только сейчас. И сию минуту. Иначе, в общем. Или не будет дождя, или меня, или вообще ничего.

– Как же так Маша! Ты только просохла

– Я все равно пойду, если пойдете вы, – сказала она и посмотрела на меня открыто и дерзко. Ее взгляд и голос привели меня в легкое замешательство. Мне показалось в эти секунды, что что-то незримое ломалось в наших отношениях. Видимо Маша тоже почувствовала это, и в глазах ее одновременно с вызовом и бесстрашием где-то в уголках глаз я прочитал легкий испуг. Она смотрела на меня долго и неотрывно, дожидаясь моего ответа. Наконец я не выдержал этого взгляда и сказал не совсем уверенно:

– Это серьезно!

– Конечно!

– Мы сейчас пойдем в дождь?

– Мы пойдем в дождь!

Взявшись за руки, мы вышли, и холодные струи огненным холодом беспощадно полились нам за шиворот, проникая всюду, где только находили сухое местечко. Скоро таких

местечек не осталось, но нам не было плохо, нам напротив, было очень здорово и хорошо. Я приостановился, не отпуская ее руку. Она с ходу по инерции развернулась на полушаге. Мы оказались лицом друг к другу. Я не отпускал ее руку, нашел в темноте вторую. Она приблизилась ко мне, близко, потом еще ближе, потом вплотную. Струи дождя текли по голове, лицу, распушенным волосам Маши. Темные волосы фосфорически поблескивали, обрамляя овал лица, и бросали на него таинственную зыбкую тень. Свет из окон веранды скрадывал ее черты, и нельзя было рассмотреть глаз. Они казались очень глубокими и черными, как смотришь на дно бездонного колодца. Мы стояли очень близко, и я чувствовал ее маленькую теплую грудь. Она доверчиво не отстранялась.

– Хотите, я научу вас целоваться? – сказала она вдруг и засмеялась.

– Что? – Не расслышал я из-за близкого раската грома.

– Если вы меня не поцелуете, то я могу это сделать сама.— Почти прокричала она звонко и весело.

– Маша!!! – взволнованным шепотом проговорил я, и нежная волна благодарности захлестнула меня.

– Я, правда, умею!

Я нагнулся и бережно вскользя поцеловал ее в голову в мокрые волосы, потом в лоб, глаза и наконец, добрался до ее скользкого холодного рта. Я целовал ее не нежно и трепетно, а немножко грубо, повернув голову не давая ей дышать. Она держала свои руки на моих плечах и тянулась

вверх, привставая на носочках. Дождь лил и лил, а нам было так хорошо.

– Вы не обманули меня. Дождь это здорово! – проговорила Маша, немножко отстраняясь и переводя дыхание.

– Маша откуда ты взялась?

– Я «Никто»!

– Как это?

– Я девушка «Никто». И зовут меня «Никак».

– Ты классная девчонка. И что ты со мной делаешь!? Я не могу от тебя оторваться, – она опять засмеялась счастливым смехом радостного ребенка.

– Это сон – прошептала она – И нам все снится.

– Снится? Ты так считаешь?

– Считаю

– Во сне можно многое

– Ну-у-у-у-у, – затянула она в раздумье – в общем да!

– Правда?

– Не всё!

– Тогда это не сон! Я хочу поцеловать тебя там! – высказал я крамольную мысль, касаясь ее груди.

– Ого!? Прямо там?

– Конечно!

– Ни чего себе! – она ласково и смущенно попыталась посмотреть мне в глаза.

– Можно?

– М-мм! – Она растерянно молчала.

– Так как?

– Наверно нет, – голос ее дрогнул, – так неожиданно

– И все-таки я поцелую

– Ты можешь это не делать?! – прошептала она умоляюще,

переходя на «ты»

– Могу, но не буду.

– Это страшный сон.

– Совсем нет. Ты боишься?

– Меня ни-к-то ни-ко-гда не це-ловал там- проговорила

она, чеканя по слогам слова, подумала немножко и добавила, – даже во сне!

– Я буду первым

– А потом?

– А что потом?

– А что мы будем делать потом?

– Не знаю.

– У меня ни-ко-го. ни-ког-да. не было, – прочеканила она

опять, ты поцелуешь и отпустишь меня – проговорила она, с придыханием

– Отпущу!

– И все сразу забудешь! Обещаешь?

– Конечно!

– Точно точно!

– Постараюсь, – убежденно и наивно пообещал я.

– Тогда наверно можно один разочек чуть-чуть.

– Бог ты мой! Маша! Я схожу с ума.

– Ты можешь не говорить! – прошептала она умоляюще и ласково

– Все делать молча?

Если бы еще вчера кто-нибудь сказал бы мне про это, я бы не поверил. Но порой действительность превосходит наши самые смелые предположения. Но это, правда, бывает очень редко, так редко что, кажется, может быть, никогда.

Я трясущимися непослушными пальцами расстегнул платье на ее шее, и снял его с одного плеча, потом с другого, и в темноте нашел руками ее ласковые замерзшие грудки. По ним текла вода, сосочки наверно от холода были совсем маленькие и твердые. Я подставил под чудные комочки свои ладошки и приподнял вверх. Они утонули в моих губах, и я ласкал их, и грел своим ртом, не давал холодным струям дождя заморозить такие прекрасные нежные создания. Маша, откинув голову назад, подставляла лицо струям дождя и шептала что-то нежное и невнятное.

– Ты сумасшедший, и немножко нахал.

– Ты права.

– Ты просто ты просто сумасшедший.

– Я сумасшедший.

– Но очень славный и нежный.

– Конечно!

– Мне хорошо с тобой, ты заметил, я назвала тебя «славный и нежный»

– Заметил.

– Тебе нравится, как я тебя назвала!?

– Конечно

– Я тебя так часто теперь буду называть.

– Это здорово.

– Мне не видно твоего лица. Я хочу видеть его, не смеешься ли ты.

– Что ты такое говоришь!

– Просто так спрашиваю.

– Даже не думал.

Мы забылись на время. Думаю, бог выключил часы. Они сломались, и погнутые стрелки беспомощно дергались не в силах преодолеть притяжение наших сердец. Время расстояния, галактики и миры все это упало к нашим ногам, растворилось в неге зыбкого счастья.

Наконец дождь ослабел и почти закончился. Только редкие капли срывались с деревьев.

Она смущенно засмеялась, легонько отстранилась и натянула платье на плечи.

– Один разочек давно кончился!

– Так быстро! Я потерялся.

– Наверно я скажу, что девушке не стоит говорить совсем.
но я не дипломат

– О чем ты Маша?!

– Мне было хорошо, как никогда в жизни. Это правда. Я не ожидала. Такие необычные ощущения! – сказала она с лаской в голосе.

– И мне чудесно.

Раскаты грома и всполохи ушли в сторону аэродрома, но мы не уходили.

– Пойдем, просохнем, – предложил я.

– Нет, я пойду домой – сказала она в раздумчивости.

– Ты пойдешь мокрая?

– Да! Мокрая!

– Почему?

– Потому!

– Почему, потому!

– Не спрашивай

– Хочу знать, почему?

– Потому, что потому. Иначе я не уйду совсем, как ты не понимаешь, – сказала она сухо, и как бы сбрасывая тонкую пелену.

– И я останусь один?

– Сны иногда кончаются.– Добавила она совсем грустно и дурашливо взбила ладошкой мои волосы.

– Всегда не вовремя.

– Наверное.

– Пойдем, я подброшу дров, печка уже остыла.

– Печка у вас классная! – слегка оживилась она.

– Тогда я за дровами.

– Без меня, мой милый – она печально улыбнулась.

– Подумай, может, все-таки зайдешь на секундочку.

Легкий ветерок качнул ветки деревьев, и они просыпа-

лись запоздалым дождем.

– Только попрощаюсь с Мусей, – сказала она после длинной паузы и тяжело вздохнула, опустив взгляд в землю.

Мы, держась за руки вернулись в дом.

– Где ваша Муся?

– Кс-ксс, – позвал я. Кошки не было.

– Вот я говорила, она меня не любит. – Маша, зябко вздрогнув, прислонилась к уже изрядно остывшей печке.

– Принести дров?

– Ты должен отпустить меня – не ответив, промолвила она тихо почти шепотом.

– И я останусь один?

– А что делать

– Такая чудесная ночь!

– Сказать честно, по настоящему, – голос ее зазвучал глухо, прерывисто. Она как бы делала усилие над собой.

– Конечно, скажи.

– Мне правда самой совсем не хочется уходить

– Тогда останься!

– Остаться? – Вопросительно переспросила она, – остаться, да, – она помолчала, как бы собираясь мыслями, – это невозможно и вообще

– Что ты имеешь в виду.

– Зачем ты спрашиваешь. Зачем ты все время спрашиваешь?

– Я больше не буду.

– Молчи.

– Ты видишь у меня рот на замке.

– У меня на спине нет глаз.

– А мы сейчас посмотрим

Я подошел к Маше сзади обнял за плечи. Она не убрала рук от теплых кирпичей.

– Точно говорю, нет! – сказала она шутливо.

– Я не верю.

– Легким дыханием, я убрал волосы и поцеловал ее шею. Поцеловал еще раз. Еще.

– Ничего не нашел?

– Пока нет.

– Я же говорила.

– Я целовал и целовал, тонул в ее мокрых волосах, она не реагировала, только сильнее жалась к печи.

– Мы так не договаривались! – прошептала она, наконец.

– Мы без уговора!

– Я вообще пришла не к тебе, а к Мусе.

– Мне показалось, ты передумала.

– Ничего не передумала милый. Где Муся?

Платье оставалось не застегнутым, и я начал легонько прикусывая губами спускать его с плеч, вначале с одного, потом с другого и целовать мокрые ключицы, продолжение шеи, острые лопатки, спину.

– Ты мне дашь увидеть Мусю. Я хочу Мусю и домой.

Платье ее сползло на талию, чуть задержалось и беззвучно

тяжело упало на пол.

– Маша! Повернись! – попросил я тихонько, как будто кто-то мог услышать нас.

– Не-е-е-т! – еще тише и протяжно ответила она,

– Почему?

– Мне сты-ы-дно милый? И Я бою-юсь.

– Я хочу увидеть их.

– Их?

– Твои грудки!

– Они обычные! – Сказала она, с улыбкой в голосе.

– Они необыкновенные.

– Они маленькие.

– Они прекрасные.

– Скажи еще что-нибудь хорошее про них, и я повернусь, – проговорила она и засмеялась.

– Они просто прелесть у тебя, и мне ужасно хочется ласкать их сильней и сильней. – Она, смущенно глядя в пол, обернулась, прикрыв их руками. Я стал целовать ее ладошки, убирая каждый пальчик губами и оголяя нежные возвышенности и, наконец, она опустила левую руку, потом правую, и я целовал их, целовал нежно и страстно, немного, прикусывая соски. Она тихонько вскрикивала от боли.

– Что ты делаешь, ну что ты творишь, – шептала Маша с легким укором, а сама руками держала мою голову и гладила ее. Так продолжалось, казалось вечность, но все, же я опустился перед ней на колени и стал целовать, упругий де-

вичий живот, розовые трусики, в начале у резинки, потом ниже и ниже.

– Не надо, я прошумилый не надо, – шептала она как в забытье. Холодная мокрая материя была почти прозрачна, и темный треугольник ясно читался на ней. Я целовал прямо в него.

– Сумасшедший. Ты сумасшедший, туда зачем, туда целовать не надо.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Не знаешь.

И, я решился, убрать эту преграду. Она вздрогнула.

– Ма-а-аша! – прошептал я как можно нежней. – Она молчала только глаза у ней совсем округлились и были немножко испуганны.

– Ма-аша! – повторил я с укором в голосе.

– Ты сильно хочешь их снять?

– Сильно-сильно ты даже не представляешь как.

Трусики медленно, медленно поползли вниз по ногам, спустились на острые синие коленки и дальше до самых щиколоток.

Я потянул ее за ладошки, она тоже опустилась на колени. С душевным волнением и трепетом я уже почти положил руку на то место, где совсем недавно были ее трусики, но в последний момент не решился. «Мне не надо смотреть туда, но я хочу, я хочу» Я опустил глаза. Она поймала мой взгляд

и немного съежилась.

– Ты еще успеваешь меня рассматривать – прошептала она шутливо и строго.

– Совсем чуть-чуть. Мне надо запомнить тебя.

– Это ни к чему милый.

– Тогда не буду смотреть! – пообещал я, возвращая взгляд на ее лицо. Она благодарно кивнула. И мы вновь слились в долгом поцелуе.

Она поднялась с колен и я, не отрываясь от ее губ тоже. Маша завела локти за мою шею и держала меня нежно и бережно ими за шею. Слегка придерживая девушку правой рукой за талию, я увлек ее к постели. Мы забрались на нее, так и не расцепившись ни на миг. Тут, наконец, я поборол свой безотчетный страх и освободив правую руку опустил ее вниз. Моя ладошка утонула в жестких упругих волосах. Было страшно приятно трогать резко обрывающуюся вниз глубину между ее ног, забирать в руку мягкую округлость низа живота девушки, ощущать, как средние пальцы неумолимо от каждого движения проваливаются между волос, во что влажное нежное и горячее. В трельяжном зеркале я видел наши ломкие отражения, и они плыли как тумане.

– Я не хочу, что ты все видишь милый, – сказала она вдруг очень ласково.

– Ты такая необыкновенная! – голос мой дрогнул от нежности.

– Все равно не хочу этот дурацкий свет.

- Он не дурацкий.
- И себя не хочу без одежды!
- Ты прекрасна без нее.
- И не хочу то, что ты со мной делаешь сейчас!
- Ты будешь капризничать как маленькая.
- Я еще, правда, маленькая.
- Хорошо сейчас выключу свет, – согласился я.

Хотя и верхний свет погас, света из коридора вполне хватало, что бы видеть ее. Пока я раздевался, она сидела на кровати, свернувшись клубком, и раскачивалась. Когда я вновь оказался на постели, она вдруг спросила:

- Милый ты ничего не скажешь?
- Скажу!
- Это будет больно? – спросила она, вдруг отстраняясь от меня в полусумраке.
- Не знаю, – сказал я в ответ.
- У тебя же были девушки?
- Нет, – сказал я правду, имея в виду, что у меня были только женщины.
- Наверно это будет больно, для первого раза!?
- Может быть чуть-чуть.
- Если я закричу, ты остановишься?
- Ты не закричишь, тебе будет хорошо.

Она замолчала. И я осторожно почти без усилия положил ее навзничь безропотную и послушную, откинув голову назад. Мы целовались, а она прикрывала ладошками свою са-

мую желанную часть тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.